НАШИ · ТАМ
ВАДИМ КРАБОВ
ЭГНОР

Вадим Крабов

Эгнор

Серия «Эгнор», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3943565
Эгнор: Центрполиграф; М.:; 2012
ISBN 978-5-227-03621-6

Аннотация

Среди бабушкиного хлама инженер-компьютерщик Егор отыскал старые записки репрессированного профессора-космополита об инициации в магии. Исследователь по натуре, он решает воспользоваться указаниями профессора, и ему удается инициироваться несколькими стихиями. Навыки оказались судьбоносными. Попав в жестокую переделку, Егор, спасаясь от пули, в панике уходит в астрал и попадает в Эгнор — средневековый мир с развитой магией. Здесь соседствуют две основные религии: вера в Спасителя и чернокнижие с мрачными ритуалами и человеческими жертвоприношениями. В Эгноре Егор находит верных друзей и погружается в изучение магии. Но предателей хватает и здесь. Чужака заметили, и вместе с ним в опале оказались друзья. И теперь, чтобы спастись, они вынуждены предпринять рискованную экспедицию в опасные и таинственные Руины, оставшиеся от Древних, откуда редко кто возвращается. Может быть, современный земной герой сумеет преодолеть многочисленные препятствия и разгадать скрываемые на протяжении веков тайны?..

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 25
Глава 5 36
Глава 6 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Вадим Крабов
Эгнор

Зри в корень!
Дед, начавший выдергивать репку

Глава 1

Погода стояла мерзкая. За окном уныло накрапывал противный мелкий дождь, по асфальту вяло текли грязные ручейки, а проходящие машины, как бы нехотя, вспарывали их, стараясь задеть брызгами немногочисленных прохожих. И тех и других было мало: выходной, отпускной сезон и просто сыро.

Я сидел на подоконнике, прижавшись лбом к прохладному стеклу. С высоты седьмого этажа был хорошо виден проспект и соседние серые многоэтажки. Редкие тополя, акации и газоны покрывала серая многодневная хмарь. Маленькие прохожие тоже казались какими-то серыми, хотя я точно знал, что одеты большинство из них в яркие летние ткани. Давно не было такого продолжительного ненастья в середине июля.

«Урожай сгниет на корню…» Я мысленно усмехнулся. Какой урожай? Надо же, вспомнились переживания родителей.

«Все, завязываю, пора за ум браться. Так, с чего начнем? — Я, плавно поворачиваясь, огляделся — не дай бог тряхнуть головой! — С уборки, пожалуй».

Передо мной предстала картина Репина: «Мамай отдыхает». Однокомнатная квартира. Раскинутый диван, застланный грязным, мятым постельным бельем. На краю простыни пятно от сигаретного пепла, и на полу неподалеку бычок, затушенный прямо об пол.

М-да… Грязный палас, сбитый в сторону, старая чешская стенка с запыленными полочками, почти пустая. На полу валяются пыльные рюмки и пустые бутылки из-под водки. На кухню лучше не заглядывать. А запах! Помойка рядом не лежала.

Самочувствие, как у лягушки, которую переехал трактор. Плюс страшный сушняк и трясущийся ливер. Настроение — как Родину предал, хотя… тоска стала гораздо меньше.

— Эх! — Потянулся, стараясь не делать резких движений, и медленно выдохнул через рот. На секунду замер и принялся за разгребание мусора, уборку пыли, мытье посуды и полов. После этих далеко не коротких и не самых приятных процедур забрался в теплую ванну и, наконец, расслабился. Мысли потекли медленно-медленно…

Даже вполне ожидаемое неприятное событие — всегда неожиданно.

Все-таки она ушла. Молча собрала вещи, крутанулась перед зеркалом, что-то там поправив в волосах, шагнула в открытую дверь и, словно вспомнив о чем-то важном, вытащила из сумочки ключи и демонстративно положила их на полочку рядом с зеркалом.

— Надеюсь, расстанемся друзьями? — сказала, по-прежнему не глядя мне в глаза, развернулась и решительно захлопнула за собой дверь.

А я стоял, опершись плечом о стену, молчал. И не двигался.

С этого дня и начались плакучие дожди. И вот уже прошло две недели.

* * *

Разлад между нами пошел давно, больше года, сразу по возвращении из Египта, обычной турпоездки — что-то типа отложенного свадебного путешествия. Сначала не о чем стало разговаривать, совместные походы резко сократились. Затем участились скандалы. Глупые, по мелочам, а примирения сделались вялые. Из отношений ушла страсть. Даже секс стал приторным, больше по обязанности. Я все чаще задерживался на работе, ходил «с ребятами» в сауны, на «мальчишники». Естественно, с ночевкой. У жены тоже внезапно появились многочисленные подруги, которым просто необходимо было ее участие, как в праздниках, так и для душевной поддержки после личных катаклизмов. Чаще вечерами, но иногда и по ночам. Изредка и я удостаивался приглашения на посиделки. Из вежливости конечно. Из вежливости же и отказывался. «Интересно, а если бы согласился?» Не проверял.

Что кто-то у нее есть, я, конечно, догадывался. Да, было неприятно, но не смертельно, и выяснять отношения не было ни малейшего желания, тем более и сам не безгрешен. По большому счету меня это устраивало, ну а если сама уйдет — скатертью дорога, переживать не буду. Тем более детей у нас не было, да и прожили мы вместе всего три года. Нет, конечно, что совсем переживать не буду, это я себе врал. Чувствовал — буду. Возможно, сильно. Но чтобы ТАК!

Оказывается, я ее любил. Что-то оборвалось в душе вместе с захлопнувшейся дверью. Холод сжал сердце, и навалилась тоска… Даже не так: ТОСКА! Я медленно сполз на пол. «Господи, почему же так плохо?» Я все знал, ни на что не надеялся, даже ждал этого! Думал, наступит облегчение после освобождения от вынужденной и тягостной для обоих близости. Не наступило. Я запил. Впервые в жизни.

* * *

Дни замелькали быстро-быстро. Утром хреново: разлепляешь глаза, идешь к ближайшей недопитой бутылке, наливаешь, пьешь, не чувствуя вкуса, сдерживаешь тошноту, занюхиваешь вялым соленым огурцом или вообще чем придется, садишься и ждешь. Мыслей — никаких, в душе голодная пустота, требующая заполнения, и ты пьешь, пьешь и пьешь, пока не проваливаешься в забытье, которое только с натяжкой можно назвать сном. Скорее кома, постепенно переходящая в кошмарное пробуждение…

Телефоны достали. Сначала брал трубку городского, что-то вякал, посылал куда подальше не помню кого, потом надоело — выдернул. Сотовый сдох сам. К компу даже не подходил. Только телик постоянно молол, перебивал, так сказать, ночные кошмары. Про работу даже не вспоминал.

Однажды раздался звонок в дверь. Я как раз был в стадии умеренного опохмеления, поэтому открывать пошел смело. Оказался Ромка — коллега и дружок по совместным походам по девочкам и прочим злачным местам. Помню, с ним было весело.

— Привет, старик! Ты чего это… — Тут он запнулся, втянул носом воздух. Сморщился и внимательно посмотрел на меня. — Ну и рожа у тебя, Шарапов! Хоть бы форточку открыл. — Он опять поводил носом. Подмигнул. — Таки я правильно понимаю, что тут наливают всем страждущим? — Иногда Ромка пытался пародировать одесский акцент. — Твоя не возражает? Или лежит под кроватью хладным трупом, с посиневшим от удивления лицом? Или вместе горькую потребляете? Да пропусти ты меня!

Он решительно отодвинул меня в сторону и вошел в квартиру.

— Разуваться, как я понимаю, не обязательно?

Я молча кивнул, выходя, наконец, из ступора.

— Проходи на кухню. И вытри ноги… — Тут я поискал глазами что-нибудь подходящее. Нашел половик: — Вон об ту тряпку.

Проходя следом, глянул в зеркало прихожей. Мать честная! Лицо опухло, глаза — щелочки, немытые волосы торчат как им удобнее, а не как принято у культурных людей, засаленные треники с гордым китайским названием Abidas, темная футболка в пятнах непонятного происхождения. «Пора завязывать», — мелькнула мысль и тут же забылась.

— Наливай, — сказал Рома, — или мне сбегать?

— Не надо, есть еще.

Налили, выпили. Ромка потянулся за закуской — открытой железной банкой консервированной рыбы. Что-то то ли в масле, то ли в собственном соку — я, не глядя, скидывал в корзину прямо с витрины универсама.

— Закусить больше нечем?

Я показал на завядшие соленые огурцы в тарелке. Рома поморщился, крякнул, но за закусью в магазин не ломанулся.

— Так по какому поводу праздник? — наконец-то поинтересовался Ромка. — И как на это дело смотрит наша милая Ольга Ивановна? Али она в отъезде?

«Милая» Ольга Ивановна, моя жена, Ромочку, мягко говоря, не жаловала. Постоянные словесные пикировки, если проходили совместные встречи: типа кто остроумнее. Хотя до царапанья глаз и не доходило, но злое кошачье шипение у моей ненаглядной частенько проскакивало.

— В отъезде глубоком. Ушла, какого-то другого лоха строить. Я не интересовался.

— У-у-у, как все запущено… за это надо выпить. Наливай. Ну, дай бог ей здоровья и счастья с тем лохом, и дом полную чашу, и детишек — выводок.

Я скривился. Выпили.

— Решит вернуться — не принимай. Не твоя она, не твоя, — фальшиво пропел уже немного осоловевший Ромочка.

Я никак не отреагировал. Меня потихоньку начало грузить.

— Я, конечно, понимаю, почему ты на работу не выходишь. — Резко сменив тему разговора, Ромка многозначительно оглядел обстановку на кухне. — Но зачем шефа на х… посылать? Ему это жутко не понравилось! И представь, что он натворил? Уволил тебя! Обиделся он, видите ли, ну а из всего нашего склочного коллектива выбрали меня, чтоб я донес до тебя сие неприятное известие. Пришлось топать ножками, ввиду неисправности телефонов и поломки авто. Вот так, старик. С тебя деньги на автобус.

Конечно, задним числом я понимал, что прогулы подразумевают увольнение, но так хотелось хоть чего-то стабильного в этом мире, увереннности, что тебя поймут, простят, пожалеют, в конце концов. «И когда это я шефа успел послать? Когда телефоны работали, однозначно. Но не помню! Хоть убей… Грустно. А как себя жалко!»

— Наливай. — Это уже мой голос.

Так мы просидели еще часа два. Курили, перемывали косточки шефу, всем бабам — сотрудницам моей бывшей фирмы по сборке бытовых компьютеров из китайских комплектующих, выпивали, потом я стал засыпать.

— Все, Ромыч, давай по хатам, мне в люлю надо. — Поднялся, шатаясь, и принялся выпроваживать гостя: — Все, все, все! Тебе завтра на работу — не забыл? Вали давай!

— Вот этого, Игорек, я от тебя не ожидал, — тоже заплетающимся языком проговорил Роман, цепляясь за стол, явно показывая, что требует продолжения банкета. — А еще друг называется. Я как сейчас через весь город попрусь в таком виде? — сделал он последнюю попытку остаться.

— Ничё, такси поймаешь, вызвонишь. Давай, давай — мне еще убираться. — Соврал, конечно.

Добравшись до порога, Рома обнял меня.

— Хоть ты и подонок, но мой друг. Есть мыслишка насчет работы, но это — не пьяный базар, потом по-трезвяни загляну. Все, пошел. — Хлопнул меня по плечу, развернулся и шагнул в подъезд. Уже оттуда зазвучал фальшивый пьяный голос: «Друга я никогда не забуду, пусть хоть он не родился в Москве!»

А я пошел в комнату и, не раздеваясь, упал на диван, тут же проваливаясь в очередную кому. Только телик что-то вещал голосом диктора, потом рекламой, потом музыкой — и так круглые сутки. Хорошо хоть не громко.

Ромка выполнил свое обещание насчет работы. Дня через три, по моим далеко не точным часам, раздался звонок в дверь. На сей раз мое состояние было крайне недопохмеленное, соответственно более тревожное и злое. Я насторожился, подкрался к двери и прислушался: «Хоть бы не позвонили больше! Это просто ошиблись дверью! Да, да… нет!» Опять раздался звонок, и более требовательный.

— Это ко мне, — прошептал сам себе. Вздохнул, зажмурился и решительно открыл дверь.

— Глаза-то открой, Игорек! — раздался ехидный Ромкин голос.

Я выдохнул и уже спокойно открыл глаза. За порогом стояли двое. Один из них Рома — непривычно прилизанный, весь такой чистенький и подтянутый, хотя и в привычных джинсах, ветровке и со сложенным черным зонтом. Второй — неизвестный мне Мэн, именно так! Одет почти как Ромка, тоже со сложенным зонтом, но выправка, властность от него так и сквозила. Явно отстав ной военный, подпол — не ниже. Смотрит спокойно и уверенно. Лицо такое… представительское, что ли. Легкая седина в коротких темных волосах. Возраст от сорока до пятидесяти. В общем, «настоящий полковник» для баб.

— Привет, я не один, как видишь. Пустишь?

Я отошел в сторону, сердце продолжало колотиться.

— Ну ты допился, к «белочке» дело подходит. Давай-ка завязывай, старик.

— Проходите на кухню и вытирайте ноги. Вот об это, — я указал пальцем на многострадальный половик, — то есть наоборот: вытирайте и проходите.

На кухне ничего не изменилось, вернее, прибавилось пустых бутылок, бычков в консервах, ну и другого похожего мусора.

— Извините, не прибрано, — с издевкой произнес я, обращаясь в основном к «полковнику».

— Ничего, — ответил «полковник» неожиданно мягким, глубоким баритоном. — Рома, будь так добр, выброси, пожалуйста, пустые бутылки… и пепельницы.

Я охренел. А Ромка, похоже, ничуть не удивился: собрал все, что можно, в найденный тут же пакет и пошел выбрасывать его в мусоропровод. Мы стояли и молчали. Вернулся Рома, ничуть не расстроенный.

— Позвольте вас представить друг другу. — Он бы щелкнул каблуками, если бы не кроссовки, так мне показалось. Ну уж очень официально! — Сан Саныч — Игорь Михайлович, прошу любить и жаловать! — показал на нас кивками и наконец-то улыбнулся. Слава богу! А то я уже плохое думать начал.

— Присаживайтесь, — это уже я, — извините, кроме водки предложить нечего.

— Спасибо, но мы ненадолго, ничего не надо, — сказал удивительным голосом Сан Саныч. Но сесть они с Ромкой сели.

— А я, извините, выпью, душа просит. — Что и сделал. Сел, закрыл глаза и стал ждать, когда полегчает.

Отпустило. Молчим.

— Так какое у вас ко мне дело, Сан Саныч?

— Хочу предложить вам работу.

Мои брови полезли вверх. Как бы невзначай обвел кухню рукой и показал пальцем на себя.

— Мне?

— Не удивляйтесь. Мне много рассказали о вас и Роман, мой давний, кстати, сотрудник, и другие, знающие вас люди. Еще я навел справки. Вы мне подходите. — Он опередил мой естественный вопрос. — Работа сисадмином в небольшой конторе на десяток машин. Железо вы тоже хорошо знаете. И главное, вы не сильно общительны и не болтливы. А это в моем случае самое главное. Что касается вашей «тонкой» душевной организации, то, как меня уверили знающие вас люди, это в первый раз. И как я вижу, в последний.

— И как же это вы видите? — усмехнулся я.

— А вижу я перед собой молодого человека, который считает себя тряпкой и трусом, который даже не попытался разобраться в своих чувствах и думает, что должен был «бороться за свою любовь», даже не разобравшись: а была ли она? Посчитал себя обиженным до самой глубины души и, чтобы не идти разбираться со своей «любимой», запил. Ушел, так сказать, от действительности типично русским способом.

— Как по писаному чешете.

— Я подготовился.

— А как же трус и тряпка?

— Я же сказал, что это он так считает. И боится, что другие об этом узнают. — Он мне подмигнул. — Но не переживайте, вы не такой. Просто это заниженная самооценка и страх выглядеть… м-м-м… «не соответствующим ожиданиям значимых для вас людей». — Сан Саныч сделал паузу. — Я уверен, что в вашем случае это не патология, пройдет. Вы справитесь. Особенно если будете работать у меня. Зарплата и все остальное на уровне. Не пожалеете.

— Ну-ну… Целый, блин, диагноз. И причем заочно. Смешно.

Но силен, психолог недоделанный.

— Пожалуй, нам пора. Вот моя визитка, позвоните. Не затягивайте, пожалуйста, вы, простите, не единственный кандидат. Честь имею.

С этими словами Сан Саныч встал и направился к двери. Ромка за ним. Проходя мимо меня, шепнул:

— Не пожалеешь, старик! И поторопись, он сегодня еще к двоим поедет. Да нет, без меня. Все, пока!

Дверь захлопнулась, а я стоял не шевелясь еще минуту, наверное. Я был в шоке. По отравленным алкоголем мозгам мысли ходили медленно-медленно. Спотыкались и падали, но постепенно складывались в картинку. Этот замполит явно меня вербовал. Какая организация — непонятно. Скорее частная. Занимается то ли добычей, то ли охраной информации. Скорее и тем и другим. И все. Больше данных нет. Вариаций, конечно, много, но перебирать их лень. Да и без толку. Чем мне это грозит? Пока ничем, наоборот, один большой плюс — работа по специальности и стабильный доход. А в наше время это очень даже немало! По крайней мере, сейчас и в ближайшем будущем.

Я повертел в руках визитку и аккуратно положил ее на полочку в стенке.

В этот вечер было выпито всего ничего, так, чтоб спать потянуло. Старался хорошо закусывать. И на ночь — чашка растворимого кофе. Кстати, раньше я всегда, если позволяли обстоятельства, после пьянки старался кофе на ночь выпить. Утром вставал как огурчик! Правда, и запоев у меня раньше не было…

Спать! В этот раз разделся. Кошмаров, как ни странно, почти не было.

А на следующий день я сидел на подоконнике и разглядывал прохожих с высоты седьмого этажа…

Помывшись и побрившись, я вылез из ванной. Нашел чистое белье, надел. Грязное запихал в машинку. Включил. Настроение сменилось от «родину предал» до «чего-то там натворил, не помню». Уход жены больше не терзал, осталось лишь неприятное сожаление. Тоска плавно перешла в общее пониженное настроение.

Заварил зеленого чая. Попил с вареньем (в углу холодильника пряталось, сволочь). Хорошо… Попробовал закурить, ан нет, еще не время! Чуть не стошнило. Ладно, зайдем с другой стороны. Включил городской, поставил заряжаться сотовый. Выключил телевизор! Как он меня, оказывается, достал! Где там визитка Сан Саныча? Имя-то смешное, как в «Спортлото-82». Читаю: Скобелев Александр Александрович и два номера — городской и сотовый, и все. Хм, интересная контора. Ладно, потом разберемся. Лег на диван, вроде просто полежать подумать, а взял да уснул.

Проснулся часа через четыре. Потянулся. Надо же, почти ничего не болит. Встал. Ой, нет. Надо помедленней: голова закружилась, весь липким потом покрылся… и вообще… Слабость, вялость, правый бок и поясница заболели… До такой степени еще не допивался. «И больше ни в жизнь!» — пообещал самому себе. Две недели! Это ужас! Мало того что жена ушла, так и работу потерял. Кстати, а сколько я пропил? Посмотрел через мобильник — тысяча двести с копейками на карте, поискал наличные — двадцать рэ мелочью. И это все, что у меня есть на неопределенное время. К Сан Санычу идти по-любому придется. Пошныряю для него немного, как Ромка, хоть и противно.

В туалете не видно ни зги: опять лампочка перегорела, надо заменить, где-то был запас, сделал дело на ощупь и пошел искать лампочку.

Глава 2

Просмотрел везде: на балконе, на лоджии, под диваном, в прихожей, всю кухню перевернул! Напал азарт. Я точно помнил, что покупал целую кучу на семьдесят пять ватт! Ну не могли они все испариться! Может, Ольга с собой забрала? Бред! Остались только антресоли, в которые никто никогда не заглядывал. Там лежали еще бабушкины вещи: квартира досталась мне по завещанию. Ох и скандалов было с родственниками!

Подставил табуретку, открыл и чуть не задохнулся от пыли! Пришлось слезать, прочихаться и умыться. Фух! Добью все равно! Обмотал полотенцем рот и нос на манер ковбоев и полез снова. Просто удивительно, сколько вещей можно вместить в небольшую с виду антресоль: велосипедная камера, велосипедный насос — старинный, сейчас таких не делают, завернутое в узлы тряпье, вылинявшая скатерть, подшивки газет за довоенные, что ли, годы — не всматривался. И везде пыль! Я сам стал весь черный. «И зачем мылся?» В левом углу какая-то потрепанная папка для бумаг с завязочками. Не особо толстая, неопределенного цвета. Лампочек, естественно, не было.

Чем привлекла внимание именно эта папка — сказать не могу. Может, потому, что была одна? Вытер с нее пыль, подул и отложил пока на диван. «Придется опять прибираться, умываться, переодеваться. Ну что за жизнь!»

На все это ушло часа два. Зато потом… в чистых трусах, шортах, в чистой футболке удобно уселся на диване, пододвинул журнальный столик с пепельницей, поставил чашку кофе, включил торшер, «Ух ты, уже вечер, однако» и попробовал опять закурить. Пошло, с удовольствием выкурил сигаретку, отпил кофе и открыл папочку.

Там оказались пожелтевшие от времени, пересохшие листы формата примерно А4, исписанные явно не шариковой ручкой — чернилами. Их было тридцать — сорок, многие в помарках. На некоторых были какие-то то ли схемы, то ли рисунки. Не пронумерованы, поэтому старался не перемешивать. Почерк везде один и трудночитаемый, почти врачебный. Что ж, попробуем разобраться, тем более опыт есть — мама врач.

Так, ага, главное, приноровиться, в ритм, так сказать, войти. Что там?..

Вроде так: «Научное обоснование принципов стихийной магии». Хорошо хоть без ятей и твердых знаков. Что??? Какая чушь! Я откинул листы. Обидно, блин. Надеялся, там что-нибудь интересное, исторически запрещенное, типа неизданное произведение Солженицына или какого-нибудь Платонова, а тут — записки сумасшедшего ученого. Как его, кстати? Ага, Ковалевский С.В. — ну, здравствуй.

Как-то раз на работе одна озабоченная во всех смыслах сотрудница принесла фолиант со скромным названием «Магия для начинающих». Ага, можно подумать еще и «Магия для продвинутых» есть, а может, и есть, кстати, сейчас чего только не издают! Так вот, пролистал я его. Правда, до середины — чуть не лопнул от смеха! Что там было! И жабы сушеные и вареные, ножки тропических паучков, оторванные на третьи лунные сутки, ритуалы, гримуары, пентаграммы, руны и много-много всякой околонаучной воды. Я даже в суть не въехал, просто тупо ржал. Потом она подходила ко мне, интересовалась, все ли я понял и не хочу ли прийти на собрание. Оказывается, маги наши собрания устраивают! Еле отмазался с серьезным видом, чтобы не обидеть. В общем-то она была нормальная тетка, просто с проблемами в личной жизни, ну и немного странная. А кто без тараканов в голове?

Вздохнув, решил все-таки взяться за перевод: обидно стало за собственный труд. Взял листок и начал писать… Нет, так не пойдет — отвык писать ручкой. Пришлось перебазироваться к компу, печатаю я значительно быстрее. Начал и не заметил, как прошла ночь.

Сколько кофе выпил и сигарет выкурил — не считал, но глаза просто слипались, а в башке такая каша! Спать, только спать, думать потом. Доковылял до дивана и вырубился.

И приснился мне кошмар: рушились горы, извергались вулканы, гигантские торнадо сносили все с лица земли, море выходило из берегов, небо черное с гигантскими воронками, засасывающими землю, воду, растения, животных и людей. Вокруг меня мелькали лица: злобные, умоляющие, дико хохочущие, какие-то чудища тянут ко мне руки с когтями… и страх… хочу проснуться — не могу, пошевелиться — тоже. Будто увяз в плотной прозрачной патоке в центре всего этого хоровода. И не могу закричать! Ужас в каждой клеточке тела, и кажется, что это НАВСЕГДА! Хуже, чем смерть. Я рвусь, тяну все жилы. Внезапно злость и ярость переполнили все мое существо. Это придало сил. «Не возьмешь!» — прорвался наконец мой крик. Я услышал его и проснулся.

Сердце выскакивало из груди, весь в поту, постель насквозь промокла. Я тяжело дышал, практически хрипел. Перед глазами все расплывалось. Постепенно пришел в норму. Страх ушел в глубины памяти, и настроение стало подниматься прямо на глазах, просто нереально быстро! «Приснится же такая хрень! Отвык по ночам работать. И не надо привыкать!» — с такими оптимистическими мыслями встал, пошел умываться и заниматься всеми утренними делами. Кстати, лампочки нашлись, шесть штук! Они спокойно лежали в туалете на верхней полочке, там тоже была устроена типа антресоль. Как полезны иногда бывают длительные пьянки — был бы трезвый, сразу нашел и ни до какой «волшебной папочки» не добрался! Заменил, конечно, лампочку и все делал уже при свете. Порадовал день — в окно светило теплое, вечернее уже солнце. Впервые за две недели.

Дальше не интересно: сходил в магазин, купил продуктов и сигарет, потратив почти все деньги, приготовил ужин, поел и лег спать. Спал без сновидений. Сан Санычу так и не позвонил.

Наутро распечатал все, что вчера удалось «перевести», а это около половины текста. Ввиду полной нечитаемости вторую половину пришлось отложить. Отсканировал и распечатал все схемы и рисунки, стал изучать. Уже без смеха. Что-то меня зацепило. Весь текст приводить не буду, но краткие выжимки «научного обоснования» от Ковалевского покажу.

За основу было взято философско-мистическое учение русский космизм со своей более прикладной точки зрения, с теорией о происхождении и развития Вселенной, с панспермией жизни и разума по всему космосу, где Человек, это уже по Ковалевскому, воистину космополит. Он не только часть Вселенной, он также и ее создатель. И суть в том, что отдельная личность только усилием воли может менять объективный мир. Еще там было про микрокосмос и макрокосмос. И это тоже как-то соотносилось с личностью. И еще много всякой воды. Про множественность миров — он их чем-то от планет отличал. Про возможность создания разных рас разумных существ. Честно говоря, я не все понял. Это еще мягко про себя сказал.

В практической части все опиралось на стихии и их соответствие каждой из сфер теории Вернадского. Стихия Земли — литосфера, Воды — гидросфера, Воздуха — атмосфера, Разума — ноосфера, Жизни — биосфера. Стихию Смерти он отвергал, потому что считал, что смерть — это просто переход из одного вида жизни в другой. Стихией Огня он считал общую энергию движения молекул, сиречь — тепла, Света — все электромагнитные явления. И еще предполагал наличие разных видов переходных стихий. Так сказать, на стыке. Позже я обратил внимание, что слово «душа» нигде не встречалось или было в нечитаемых отрывках текста. Упоминались только Разум и Воля.

Ковалевский описывал, как надо концентрироваться, чтобы сливаться со стихией, но там я не смог разобраться в помарках. Приводил примеры из средневековой, тибетской и даже древнешумерской литературы, тоже половину не смог разобрать. Зато хорошо нарисо-

ванными оказались знаки стихий с пояснениями и схема создания «круга инициации». Вот это больше всего меня заинтересовало. Я искренне поверил, что смогу стать магом!

Полез в Интернет, захотелось побольше узнать про Ковалевского С.В. Да и вообще про магию. Раньше я никогда этим серьезно не интересовался. Из фэнтези прочитал только «Властелина Колец» после просмотра фильма. С трудом осилил, не по мне. В юности я больше научную фантастику и приключения читал, поэтому с интересом окунулся в виртуальный магический мир и быстро разочаровался — разные слеты толкиенистов, форумы, игры, да и обычное фэнтези оказалось в таких огромных объемах, что я просто обомлел. Бросил, некогда. Лучше после инициации. Аж до сверления в одном месте захотелось. Нашел короткую заметку про Ковалевского:

«Ковалевский Семен Викторович, 1891—1948, с 1940 до 1948 работал в Биогеохимической лаборатории при Академии наук СССР, арестован по делу «борьбы с космополитизмом», в 1948 умер в Лубянской тюрьме».

А ведь он действительно космополитом был. Хм. Может, не умер, а до сих пор живее всех живых? Кто их, магов-колдунов знает. Хотя, наверное, забрал бы свои бумажки. Эх, бабуля, бабуля, ничего ты мне не рассказывала, да и я, дурак, не интересовался семейной историей. Больше ничего полезного для себя не нашел и завалился спать с мыслью заняться завтра «настоящей магией».

На следующее утро в первую очередь отключил все телефоны. Телик и не включал. Нужной концентрации решил достичь при помощи углубленной медитации «по системе йогов». Опыт был. Как-то жена затащила на курсы по йоге, и я, один мужик среди десятка женщин, честно отходил курс до того, когда начали объяснять про чакры и остальную лабуду. Дальше не выдержал. Единственное, чему научился, это сидеть в позе лотоса, выравнивать и замедлять дыхание и изгонять мысли из головы. Успокаивало хорошо, а больше просто ничего не пробовал.

Свернул палас, достал мелок (голубенького цвета, другого не нашел) и аккуратно, сверяясь с рисунком, начал чертить ровный круг диаметром один и восемь десятых метра. Специально померил, чтобы можно было проходить по комнате, не задевая чертеж. На схеме сведений о размере не было. «Наверное, в записях были», — пожал плечами и рассчитал, как мне удобно. Пробовали нарисовать ровный круг на полу? Правильно! Берется шпагат и гвоздик, получается циркуль. С третьего раза круг получился более или менее ровный. Далее находим юг. Компас был. Рисуем знак «свет». Старался в меру художественных наклонностей. Посмотрел, скривился, махнул рукой. Потом, по ходу солнца, на равных расстояниях друг от друга, отметил места остальных шести знаков. Нарисовал (опять ха-ха) в указанном порядке: Огонь, Земля, Вода, Воздух, Жизнь, Разум. Теперь внимательно «руны привязки»: внутри и вдоль окружности, чтобы начало совпало с концом. Надпись длиной в двадцать две руны. Получилось часа через три с перекурами. Наконец с рисованием было покончено.

Тут я замандражировал. И хочется, и колется. А вдруг это так серьезно, что малейшая ошибка — и мне капут. А если это чей-то ловкий розыгрыш? Буду как дурак по телику красоваться. Чтоб потянуть время, да и на всякий случай, решил написать себе памятку: «Кравцов Игорь Михайлович, двадцати семи лет, не служил, не привлекался, женат, но живет врозь с такого-то июля такого-то года, закончил политех по специальности конструирование электронно-вычислительной аппаратуры, в настоящее время безработный — это ТЫ, потерявший память. Паспорт в тумбочке». Положил шедевр на кухонный стол и придавил сахарницей. «Мало, надо еще видео добавить», пошел к компу, включил вебку, направил на нарисованный круг. Постирал жесткий диск, чтобы места больше было, и включил запись. Быстро попил чай с печеньем, покурил и пошел на казнь.

Сел точно в центре круга в позу лотоса. Подождал, пока перестанут гудеть ноги и расслабятся связки, закрыл глаза. Выровнял дыхание. Начал дышать на счет: медленно вдох до пяти, пауза два счета, выдох шесть. Через пять-шесть циклов и вдох, и выдох удлинил на раз. Еще через пять циклов удлинил выдох на один, потом еще на один. Чувствую — все, реже дышать не получается. Попытался определить число вдохов в минуту — сбился, потерял ориентировку во времени. Постепенно перестал считать — вошел в ритм. Пытаюсь очистить голову от мыслей — с трудом, но получается. Надо просто представить однообразный комфортный пейзаж, обычно это вид спокойного моря в ясную погоду, тоже не стал оригинальничать. Внезапно ощутил, что не чувствую собственного тела и понятия не имею — дышу ли вообще. Чуть не запаниковал, но успокоился: если нет удушья, значит, дышу.

Как это трудно думать без слов! Хорошо, что на йоге научился. Просто из интереса. Учитель как-то ляпнул, что можно ограничиться чисто визуальными образами, я и ухватился. В повседневной жизни не получилось, а в медитации — пожалуйста. Теперь надо представить во внутреннем пространстве нарисованный мной круг, причем во всех правильных, как на оригинальном рисунке, деталях. Есть! У меня вообще зрительная память отличная, поэтому долго не учил, хватило утра. Насчет цвета не нашел нигде в бумагах и решил интуитивно: раз семь, значит, радуга, и раскрасил начиная со Света — в красный цвет до Разума — в фиолетовый. Круговую рунную надпись представил просто белой. И тут рисунок внезапно «ожил»: знаки замерцали и постепенно обрели объем, немного изменившись в трехмерном пространстве, руны тоже стали объемными и мягко засветились серебристым цветом, и вся эта конструкция начала медленно вращаться в различных осях и изгибаться волнами. Полный трехмерный аналог фигуры Лиссажу! Как это красиво! Я оказался просто заворожен! Восторг подхватил меня и подтащил к фигуре, мы вместе стали изгибаться и кружиться, словно танцевать! Я полностью отдался этому танцу, я был счастлив, как никогда в жизни. Сколько это продолжалось — совершенно не ясно. Субъективного времени не было вообще. Может, миг, может, год. Невозможно понять.

Как мне удалось вспомнить о цели пребывания здесь, не знаю. Выругавшись, без слов это очень трудно, поверьте, попытался «привязывать» знаки к себе. По «инструкции» начинать надо было со Света и по кругу. Желательно по одному знаку в день. Да откуда это мог знать Семен Викторович? Намеков, что он сам все это прошел, не было. Ладно, поверим. Мысленно потянулся к знаку Свет. Ноль реакции. Потянул сильнее — то же самое, еще сильнее — аж картина потускнела — бесполезно. Надо менять тактику. Попробовать самому «подлететь»? Захотел сдвинуться, и пожалуйста: то ли я поплыл, то ли мир вокруг придвинулся ко мне. Отлично, как все просто! Кольцо со знаками увеличилось и, повинуясь моему желанию, поплыло ко мне. Или я к нему, не важно. Приблизился к знаку Свет и просто влетел в него и замер, прислушиваясь к ощущениям. Вокруг разливался красный туман. Ни звуков, ни мыслей, ни вкуса — ничего больше не почувствовал. Покрутился — везде однообразный красный цвет. Решил, что ошибся с расцветкой знаков. Вылетел с желанием поменять цвета, но сразу на выходе, как только красный туман отпустил, почувствовал ЕДИНЕНИЕ! Как это описать словами? Попробую.

Все серебристые руны вздохнули, вспыхнули и погасли. Все мое существо ОСВЕТИЛОСЬ — одновременно всеми цветами и излучениями, я просто ощутил их, и накатило чувство полнейшей свободы и всемогущества. Ощущения быстро схлынули, но эйфория осталась. На ее волне я принялся нырять во все знаки по кругу (хорошо хоть в правильном направлении). Чувства были и похожие, и разные: Огонь — тепло и холод везде, просто физическое ощущение движения; Земля — твердость во всем и в то же время податливость, как у глины, надежность; Вода — изменчивость, но и плотность, напор и спокойствие; Воздух — легкость, упругость, скорость, изменчивость; Жизнь — спокойствие и эмоциональность, превращение, сила; Разум — логика, воля, уверенность.

Многое, конечно, упустил. Трудно описывать абстрактные образы и чувства.

И опять я забылся в своем совершеннейшем счастье. Танцевал со своими новыми друзьями — знаками. Для меня они стали самыми близкими существами на свете. Я решил обнять их всех и прижать к груди и тут заметил, что груди у меня нет и вообще нет тела. Уже привыкнув обходиться без рук, забыл о них, а тут начал вспоминать. Стихии, словно заметив мои сомнения, стали ненавязчиво отвлекать внимание: появилась завораживающая музыка, манящие шепотки: «Ты наш, ты здесь живешь, мы вместе были и будем всегда, оставайся…» — «Конечно, останусь, я же дома! Вот только найду свои руки…» Руки, руки… ноги? Голова? И лавина образов хлынула в мою голову. Я сходил с ума: мысли были и моими, и чужими, и все разные, спорящие друг с другом. Сходил с ума и радовался — это же у меня в ГОЛОВЕ! Хохотал во весь голос, чувствуя свое тело! Как это прекрасно, не потеряться в самом себе, сохранить самое ценное, что у нас есть, — собственное Я. «Молчать! Вон из моей головы!» — перестав хохотать, заорал я, даже не удивившись резкой смене настроения. Все стихло. «Я собираюсь выйти отсюда, но и вас оставлять здесь жалко. Предложения?» — говорил вслух специально, чтоб не растерять ярость и уверенность. Как наркоману, мне хотелось и дальше испытывать кайф от нахождения в этом уютном мире. «Предложений не поступило…», жаль. Придется своим умом доходить, а ум дошел только до одного: все знаки стихий в себя поглотить. Может, и кайф будет вечным? Хотя без хобота не получится. Ого, шутить начал? «Все в меня, быстро, пока не началось!» — и «друзья», словно в самом деле испугавшись, понеслись в меня. «Раз, два, три… семь. Есть контакт!» Меня раздуло на всю Вселенную и быстро сдуло. «Слава богу!» — где-то слабо, но явно громыхнуло. «Так, аккуратней надо быть со словами, хи-хи, и хорошо, что не напомнил, что могло бы начаться. Ха-х… не могу», — еле-еле сдержал смех, прыснув в кулак. Я был элементарно пьян.

Можно было уже выходить, просто пожелав, я это точно осознал, но оставалась явная незавершенность, которую просто необходимо было завершить. И это не просто желание продлить эйфорию. «Будем рассуждать логически. Здесь я могу что угодно. По крайней мере, что угодно делать с собственным телом. Слабый гром в ответ на невинное восклицание пока не принимаем во внимание. Помню, у Стругацких всем жителям делали прививку в младенчестве для снятия блокировки гипоталамуса. Они потом крутые вырастали. Я тоже так хочу!» И началось: пронеслось все мое тело в разрезе, все в странных разноцветных каналах. Едва успел выхватить — практически все стихии, но с упором в сине-фиолетовую область. Кости, мышцы, суставы, связки, да все органы! Полыхали и переливались. Потом вдруг резко в голову, и что там началось! Фейерверк! «Мама дорогая…», все со стороны и как бы не со мной. Прекратилась эта вакханалия снова очень быстро: «Раз, и готово. Здорово! Мне нравится этот мир, и я сам себе нравлюсь». Перед взором висела очень четкая «голограмма» меня. Нормально, видимых изменений нет. Чуть ниже среднего роста, немного коренастенький, немного лишнего веса, но мышцы развиты неплохо, хотя и не качок. Лицо круглое, черты правильные, нос чуть с горбинкой и немного картошкой, глаза карие. Подкачали ресницы, да и губы тонковаты. Отлично. «На выход!» — и мир рухнул.

Глава 3

Мир рухнул буквально. Я тоже. Не успев открыть глаза, понял, что падаю и тут же получаю удар по затылку. Сноп искр из глаз. «Больно!» — только и успел подумать, и на меня НАВАЛИЛОСЬ!

В детстве, читая книги про войну, я часто ставил себя на место пойманных гестапо разведчиков. Смог бы выдержать пытки и не выдать Военную Тайну? Сомневался, но надеялся, что смог бы. Глупый был и сильно переживал за «наших». Теперь я точно понял — не вынес бы и минуту! Все бы выложил, только б избавиться от боли!

Еще помню, как-то случайно засадил себе щепку под ноготь. Вот выл так выл! Слезы градом, боль была адская! Но сейчас оказалось, что я просто НИЧЕГО не знал о боли. Она была везде, острая, тупая, ноющая, да всякая! Силы неимоверной! Хотелось потерять сознание или умереть, в конце концов, лишь бы ее не стало. Предал бы все родины во всех мирах! Только бы избавиться от нее, да что там, только за то, чтобы просто уменьшилась. Может, было бы легче, если б удалось закричать, заметаться всем телом, но наказали и немотой и параличом. Даже веки не слушались. Это продолжалось вечность. И все это время мысль была только одна: «Избавиться от боли!!! Умереть, сойти с ума, продать душу — любым, любым способом, только — избавиться от боли!!!» Но сознание, на протяжении всей пытки оставалось совершенно ясным.

Ни одного признака помешательства! И это был дополнительный плюсик к истязанию. По краю мозгов пробежала мысль, что это наказание: мол, не суйся куда не приглашают, не делай чего не знаешь, не поддавайся соблазнам! И вообще, как говорили в секретных летных частях: «Прежде чем приступить к полетам, учите матчасть!»

Запасов кислорода как раз хватило на вечность, она ведь тоже когда-то кончается?

Резко вздохнув, понял, что все время экзекуции не дышал. Боль медленно отпускала. Открыл глаза, увидел потолок родной квартиры и снова закрыл. «Хорошо-то как!» — отсутствие боли — это просто счастье!

Я лежал и приходил в себя. Ни о чем не хотелось думать. Спустя минут пять почувствовал, что пол жесткий, лежать неудобно и прохладно. Надо вставать. Начал подниматься: голова кружилась, перед глазами все плыло, шатало, как пьяного. Руки-ноги будто чужие. Еле добрался до дивана и рухнул, натянул кое-как одеяло и уснул. Сон был беспокойный, но что снилось, не запомнил.

Просыпался постепенно. Явь долго не желала вытеснять остатки сна, чему я был только рад, разнежился. «Какие планы на сегодня? — спросил сам себя. — Понятия не имею… решено, отдыхаю!» — и со спокойной совестью повернулся на другой бок. От движения проснулся окончательно. Двигаться было неудобно, словно в чужом теле очнулся. Пришлось подниматься. Ну, слабость — что и следовало ожидать, ничего не болит — что неожиданно, но приятно, а все равно — что-то не то. «Разберемся!» — решительно зашагал в туалет. Тело слушалось отлично, но! Все движения приходилось обдумывать, не было автоматизма. «Хорошо хоть ходить не разучился и под себя ночью не сходил, а то совсем как ребенок. Точно! Я же заново родился, у меня все процессы перестроились, и поэтому все воспринимается как чужое! Но раз основные рефлексы не нарушились, значит, научусь. Еще должен я быть постоянно голодным», — думалось мне во время движения. Только подумал и набросился на еду, будто неделю не ел. Глотал, почти не жуя и не чувствуя вкуса, но наелся довольно быстро, «Хороший аппетит и ничего особенного», — мысленно пожал я плечами. Решил закурить по привычке, и вот тут удивился: курить совершенно не хотелось! Сделал две затяжки и затушил сигарету. «Похоже, курить я бросил. Хм». В принципе неплохо.

Осмотр себя в зеркале тоже принес положительные эмоции: втайне я хотел похудеть, и вот пожалуйста. Даже чересчур. Не «бухенвальдский крепыш», конечно, но поправиться не помешает.

Настало время просмотра видеоролика «Из частной жизни волшебника». Ого! Восемнадцать часов записи! Ну да, я ж не выключал ничего, хорошо, диск халявный на терабайт поставил. «Посмотрим, что было в реале». Включил воспроизведение сначала.

Нарисованный мной круг. Я вхожу в него, сажусь в центре в позу лотоса и застываю. Лично мне всегда весело смотреть себя на видео и немного стыдно. Все-таки представление о себе отличается от взгляда со стороны. Ладно, это я отвлекся. Пятнадцать минут на экране ничего не происходило, но потом… круг вспыхнул яркой радугой и исчез. Я нажал на стоп, отмотал назад и стал смотреть покадрово. Постепенно разгорается круг — и знаки, и руны, все ярче и ярче и вдруг, за два кадра, поднимается и, сжимаясь, вся эта колдовская смесь входит в меня на уровне груди. Меньше секунды! Быстро посмотрел вниз — на полу ни следа от мела. И вообще никаких следов! «Все страннее и страннее». Смотрим дальше. Сижу не шевелясь еще минуту, потом резко падаю назад и трясусь в судорогах три минуты двадцать секунд! С полминуты отдышался и пополз на диван. Вот и вся полезная запись. «Больше трех минут не дышать! Да у меня никогда дыхалки не было, все легкие прокурены. Были».

Я пробежался по комнате, размахивая руками, приседал, отжимался, прыгал, шевелил пальцами, крутил головой, корчил рожи, говорил скороговорки, которые помнил, и т. д. Остановил физкультуру характерный вызов скайпа.

— Черт! Совсем забыл про этот долбаный скипе! — Вздохнул и пошел отвечать.

Мама. Добралась все-таки. Камеру включать не стал.

— Алло, здравствуй, мам, я как раз на работу собираюсь, говори быстрее.

— В двенадцать дня? У вас что, свободный график? Значит, можешь выделить мне пятнадцать минут, и не спорь!

Спорить я и не собирался, приготовился к неизбежному.

— Слушаю, ма.

— Я все знаю, и не надо было тебе от меня все скрывать и отключать телефоны, я же все равно узнаю, ты же знаешь!

— Знаю, знаю. И ничего я не отключал: случайно задел ногой провод, выдернул телефон и не заметил. Было же уже такое, помнишь?

— Ага, а сотовый ты случайно уронил в ванну, так? Лучше не ври матери! Что у вас случилось с Олей?

— М-м-м-м-м…

— Она говорит, что поссорились и сейчас живет у подруги, это так?

— Да.

— Из-за чего поссорились?

— Мама, я не буду говорить об этом, — сказал я как можно тверже.

— Хорошо, хорошо, можешь не говорить, но ты же знаешь, я хочу тебе только добра, я переживаю за тебя, и отец, кстати, тоже! Мы же места себе не находим, а до тебя не дозвониться! Хоть Оля и уверяла, что с тобой все в порядке, но мы все равно хотели в милицию обращаться.

А ведь могла, с нее станется!

Странно, упоминание имени жены меня совершенно не трогало, оно словно выветрилось из головы.

— Слава богу, отец про скайп вспомнил, хоть здесь дозвонилась. Прибежала с работы и сразу звонить, не перекусила даже.

— Спасибо, конечно, мам, но мы сами разберемся, ладно?

— Сыночка, я старше и мудрее тебя, я жизнь прожила, и, в конце концов, я женщина и лучше тебя знаю, как с нами мириться. Ты же хочешь помириться с Олей? Полмесяца уже прошло!

— Конечно хочу.

— Так вот. Купи цветы, лучше розы, бордовые — большой букет, подожди ее возле дома, то есть там, где она сейчас живет. Подойди и попроси прощения. И не важно, виноват ты или нет! Вот увидишь, она только этого и ждет, поверь мне. Перебори свою гордость! А то весь в отца.

— Отлично, мама, я так и сделаю, не переживай. Все у нас будет хорошо. Как там папа?

— А что с ним случится? Нормально все, передает тебе привет.

— Мне бежать надо.

— Подожди, сына, я тебе на карту двадцать тысяч положила, снимешь все. Десять на помириться и десять отнесешь дяде Вите, сегодня же! Ему срочно надо, еще вчера.

— Мама, я же просил не высылать мне деньги, я обижусь!

— Это только на примирение, я все знаю и помню. И дяде Вите обязательно сегодня, десять тысяч, не забыл?

— Понял, понял. Все, я побежал, целую, отключаюсь.

Как меня выматывали разговоры с матерью, кто бы знал! С отцом проще. Хорошо, что живем в разных городах и очень далеко. Я их, конечно, люблю, но общаться стараюсь как можно реже. А к дяде Вите идти придется. Но с ним просто: привет — привет, как дела — нормально, и разошлись. Он какой-то мой дальний родственник. «Интересно, а если бы мне не дозвонилась, как бы к Вите деньги попали? По-любому это предлог, чтобы он на меня посмотрел и матери все рассказал. Интриганка». Включил сотик, проверил карту — пришли, родимые. Теперь точно не отмажусь, придется идти.

Солнышко! Как приятно слепит глаза! Соскучился за полмесяца. И не так жарко. Зелень кругом яркая, не успела запылиться. Решил пройтись пешком. Деньги снял быстро, около дома, и отправился через парк, так ближе, минут тридцать неспешного хода. Если не тороплюсь, всегда предпочитаю ходить пешком. Город у нас компактный. Дорогу до дяди Вити посвятил выработке походки. Старался идти мягко и плавно. Минут через пять стало получаться все лучше и лучше, и, подходя к дому Виктора, уже совсем не замечал, как я иду. У дяди Вити пришлось задержаться. Накормил: борщ и котлета с картофельным пюре — чисто по-семейному. После достал бутылку коньяку и, пока не распили, не отпустил. Я почти не опьянел! Эта новая особенность понравилось меньше, чем с куревом. «Но зато и похмелья не будет», — успокоил сам себя. Обратно пошел прежней дорогой через парк. Смеркалось.

Как пишут в приключенческих романах, нападения на главного героя обычно случаются в сумерках, в безлюдных местах и неожиданно. В моем случае произошло примерно так же.

На полпути к дому, за поворотом встретилась девушка, которая сидела на бордюре, держалась за ступню и стонала.

— Что с вами? — Я склонился над ней.

— Ногу подвернула, — со слезами ответила она и посмотрела на меня с надеждой.

«А ничего, симпатичная, домой, что ли, пригласить? Типа я тут рядом живу, первая помощь, все такое».

— Давайте я вам помогу. Вы далеко живете?

— Ой, спасибо, совсем рядом! Прямо по этой аллее, метров сто всего сразу за парком. — И она уже взяла меня под руку и легонько прижалась грудью. Приятно.

— Провожу прямо до дому, не беспокойтесь, пошли потихоньку. — Вот он, облом. Жалко.

И мы похромали. Девушка болтала без умолку, а я только кивал, натерпелась страху, сейчас отходит, вот и тараторит. Прохромали еще метров пятьдесят, как вдруг девушка остановилась, вцепилась в меня и закричала: «Насилуют!», впрочем, не сильно громко. Я офонарел. Встал, начал судорожно оглядываться, искать, кого насилуют, но тут моя больная впивается мне в лицо и давай царапать. Больно и неожиданно! Я даже подумать ничего не успел, просто перехватил ей руки, чтоб перестала царапать, и так кровь начала выступать.

— Машка, этот хмырь, что ли? — выходя из кустов и показывая на меня пальцем, спросил парень лет двадцати в черной кожанке. — Щас мы его накажем, не волнуйся.

Маша вырывается от меня и прячется за спину парня.

— Ага, Вить, как выскочит из кустов и давай меня лапать. Хотел уже одежду рвать, еле отбилась, хорошо, что ты успел, — не моргнув глазом сочиняла девушка, и так искренне, что я сам чуть не поверил.

Сзади раздались шаги еще нескольких человек. Я обернулся — двое. Постарше, примерно моего возраста, в ботинках с подбитыми железом носками и тоже в черных кожанках. Короткие стрижки. Оружия ни у кого видно не было. Один тихо насвистывал «Белый лебедь на пруду», красиво, кстати. Подошли, встали метра за два от меня. Первый, Витя, оставил Машу горевать и нарочито медленно стал подходить ко мне. Я опять повернулся к нему. «Двое сзади в двух метрах, один спереди.

Приближается на контакт», — всплыла нехарактерная для меня мысль.

Вообще я человек сугубо мирный и немного трусливый. В последний раз дрался в выпускном классе школы и был бит. Сейчас был на удивление спокоен.

— Ты что же, сучонок, мою девушку обидел? Нехорошо это. Девушек обижать нельзя, не по-мужски как-то. Или ты не мужик? — Я молчал. — Что молчишь, язык в жопу засунул? Да ты не бойся, дядя сильно бить не будет, просто поучит немножко плохого мальчика хорошим манерам, и мальчик ему денежки за учебу заплатит, так ведь? Сколько у тебя есть? — Встал, не дойдя метра полтора, с очень довольной ухмылкой.

Тут я услышал, что двое сзади двинули ко мне. «Схватят сзади за руки, а этот молодой ударит под дых и по челюсти, потом обыщет», — мелькнула мысль. Правой ногой, не мешкая, шагнул вперед и слитно с шагом ударил правой рукой, без замаха прямо в довольную улыбку. Тут же развернулся, шагнув левой ногой назад, и встретил подбежавших, резко выбросив вперед руки с кулаками просто на уровне их лиц. Как в замедленном кино, увидел, что оба напарываются один подбородком, другой носом на мои кулаки. И валятся как подкошенные на землю. Чувствую, как лопается кожа на костяшках от удара в зубы, снова оборачиваюсь и вижу, что Витя лежит затылком на бордюре, раскинув руки. Из-под затылка растекается черная в сумерках лужа. «Кровь», — подумал я и похолодел. В навалившемся «ватном» ступоре не мог отвести глаз.

Вдруг, спустя десятки секунд, увидел, как легкий серый туман отделяется от тела, густеет, собираясь в шар, и тихо исчезает, словно испаряясь. Это заняло буквально несколько мгновений, а синяя оболочка вокруг тела наоборот тускнеет и тускнеет, а еще через секунды становится почти прозрачной и начинает медленно рассеиваться.

— Убили?! — раздался женский возглас.

Маша медленно подошла к лежащему Виктору и села рядом прямо на асфальт.

— Вить, ты чё, очнись, Витя! — Погладила его по лицу, похлопала, наклонилась ниже и рукой потрогала кровь. — У-би-ли! Витя! У-би-ли!!!

Я очнулся. Оглядел поле боя: двое лежали не шевелясь, но они явно просто были в отключке, развернулся и побежал.

— Убили! Кто-нибудь, скорую! Помогите! — несся вслед истошный женский голос.

До дома долетел пулей, сразу попал ключом в замок, открыл, забежал и захлопнул дверь… и дважды провернул замок. «Уф!» — сел на пол. Начало колотить…

«Я. Убил. Человека. Но не хотел же! Защищался! Да, но меня бы просто ограбили, а я-то — УБИЛ! Как? За что! Убил…» Холод разлился в груди, и навалилась тоска.

— Убил, — прошептал вслух. — Лишил жизни…

Вспомнил серый туман и синюю оболочку. «Это что, душа и аура? И я видел? Убил…»

«Успокоиться. Я спокоен… я спокоен… выровнять дыхание…» Странно, а я и не запыхался… и дрожь уже прошла… убил. Нет, так не пойдет! Во-первых, я защищался, во-вторых, меня тоже могли убить. Для чего они имена называли? Чтоб я потом в ментовке все рассказал?.. Да ерунда, кто бы мне поверил — рожа исцарапана! А кстати… Я встал, включил свет и посмотрел в зеркало. На лице следы крови и практически на глазах затягивающиеся раны. Потер рукой щеку — точно. Посмотрел на кисти — то же самое. «Я же прямо в зубы попадал, я чувствовал!» Просидел так целый час, пока лед в душе не начал таять.

«Итак, господа присяжные заседатели, подведем итоги. У меня отличная реакция, хорошая регенерация. Идем дальше, рассмотрим навыки. Пожалуй, ничего необычного. Наверное, я так бы и действовал, если бы не паниковал и был бы уверен в своих силах. Очень хочется в это верить, ведь неприятно, если в меня гадость вселилась. Да хоть и не гадость — это мое тело! Могу видеть ауру (понятие обиходное, из телика да литературы так и сыпалось) и, возможно, отлетающую душу. Из минусов — не умею ничем этим пользоваться. Да! Еще убийство». Я повертел и так и эдак, вызвал в памяти образ ухмыляющегося Вити, как он бьет и с остервенением пинает ни в чем не повинных людей… «Он просто нарвался. Рано или поздно его бы все равно убили, а раз раньше, значит, я спас потенциальных потерпевших. Во как! Заслужил он, короче».

С этими мыслями я уже стоял под душем, старательно выкидывая из головы образы хихикающих голливудских супергероев. Совесть тихонько вздохнула с укором.

Спал на удивление спокойно. Проснулся в шесть утра, бодрым. Было по-летнему светло. После всех утренних процедур позавтракал с аппетитом яичницей с колбасой, попил кофе. Тоже изменение — раньше с утра аппетита совершенно не было. Сел блаженно на диван и принялся рассуждать: «Мне надо учиться. Учителей не найти, значит, тренироваться самому. Хочется заклинаниями всякими владеть. Да и драться. Можно на секцию пойти. А магии учиться в медитации, там, кстати, время идет быстрее. Боязно, вдруг зависимость получу, как наркоманы. Там же кайф! Стоп. Вчера я без всякого транса ауру видел!»

Я стал внимательно разглядывать собственную руку — ничего необычного. Ближе, дальше, напрягая зрение, расслабляя, вглядывался в каждую черточку — ничего. Плюнул, отвел взгляд и тут, на самой периферии зрения, где все расплывается, увидел неясное темно-синее пятно. Замер. Постарался запомнить, где оно находится, сконцентрировался и стал медленно поворачивать голову, стараясь не двигать глазами. Вот она! Полупрозрачная дымка, переливающаяся оттенками синего, обволакивала руку. Постарался запомнить все ощущения. Моргнул — аура исчезла, «мазнул» взглядом — появилась. «Получается», заулыбался и вдруг почувствовал сильную усталость. Однако… Вроде ничего такого не делал.

Видимо, все магические действия должны использовать энергию и, надеюсь, только пока, «сжигают» мои жизненные силы. Где-то так, в общем. По-любому в транс надо лезть, искать «альтернативные источники энергии». А вчера вроде не было слабости. Вчера — не считается, у меня был стресс. Кстати, насчет вчера, что делать с милицией? Обязательно найдут! Таких «любителей» находят. Дело во времени. Интересно, сколько его у меня? Я представил себя в тюрьме, как там сажусь в позу лотоса… брр! «Надо что-то делать! Бежать? А куда? Там же столько нюансов. Во-первых, документы, во-вторых…» Я решительно встал и пошел звонить Сан Санычу. Глянул на часы — девять! «Ого, не заметил, как время пролетело. Ну что, звоним?»

Трубку взяли после третьего гудка.

— Алло, Сан Саныч?

— Да, — раздался характерный баритон, — с кем имею честь?

— Это Игорь Михайлович, я не отрываю ни от чего важного?

— Нет-нет, время есть. Что же вы так долго не звонили, я ждал еще два дня назад. Или я все-таки в вас ошибся?

— Что вы, Сан Саныч, завязал уже на следующий день, вашими молитвами, но сразу дела навалились… знаете, как бывает после двухнедельной пьянки? А как работа, за мной сохранилась?

— Дела, говорите, — с недоверчивой интонацией проговорил он. — Насчет нашей договоренности… задержались вы немного, но работы у нас много, в том числе и для компьютерщика. Я вам сейчас адрес назову, записывайте.

— Спасибо, записываю. Это ваша контора, да?

— Да, один из филиалов. Надеюсь, вы помните насчет скромности в общении?

— Конечно!

— Ничего противозаконного не успели натворить?

Упс! Вот сейчас все решится…

— Кхм. Понимаете, Сан Саныч, — я почти почувствовал, как он напрягся, — вчера вечером хулиганы какие-то пристали, была драка. По-моему, один из них в больнице…

— Где это случилось? — жестким тоном спросил Сан Саныч. Я поразился такой перемене.

— В парке, когда стемнело.

— В милицию заявлял?

Ого, уже на ты. Хреново. Похоже, помощи от него не будет. Ладно, другие ходы поищем.

— Нет.

— Все правильно, — уже мягче поддержал он меня, — и не обращайся. Посиди лучше дома, я перезвоню. Сейчас попытаюсь все уточнить. И не переживай, с кем не бывает! Все будет хорошо! — Последние слова произнес так искренне — сочувствующе, что я даже восхитился!

— Хорошо, я буду ждать звонка дома, надеюсь, недолго?

— Несколько часов — и я позвоню. Все, кладу трубку.

— До свидания.

Ну и черт с ним. Подожду часов до четырех, авось позвонит? Чувствую, многое может, судя по таинственности. Вдруг подскажет, что по большому счету это была самооборона. Эх, не надо себя обманывать. Нужен я ему как собаке пятая нога. А в ментовке стопудово посадят.

Пошел на кухню. Стал пить чай с печеньем и ждать звонка.

Звонок в дверь раздался неожиданно, часа через два. Я вздрогнул. Опять позвонили, подольше. Пошел открывать, внутренне холодея: «Милиция…»

— Кто там?

— Кравцов Игорь Михайлович здесь проживает?

— Да, это я, а что случилось?

— Участковый уполномоченный милиции, майор Еремин, откройте, пожалуйста, дверь, к вам есть пара вопросов.

Открыл, посмотрел на протянутые корочки, ничего не запомнив, и отошел в сторону.

— Проходите. В комнату, пожалуйста.

Он уверенно зашел в комнату, даже не подумав вытереть обувь, и удобно устроился в кресле. Без приглашения. На вид майору было около сорока. Лысеющий, упитанный. Фор-

менная рубашка со следами пота под мышками, на поясе кобура. Фуражку аккуратно положил на журнальный столик вместе с черной кожаной папкой. Улыбнулся на все щеки с ямочками. Добрая такая улыбка.

— Вы понимаете, зачем я здесь?

Я кивнул и тут же замотал головой: «Черт!»

— Нет, не понимаю. Чем обязан?

Добрая улыбка неуловимо превратилась в злую.

— Сейчас будем колоться или в отделении? Один потерпевший помер, двое в больнице. Пятнашка тебе, не меньше, но если учесть явку с повинной и помощь следствию… восьмерик, могу посодействовать. Чувствуешь разницу?

— Я. Ничего. Не знаю.

— Запираешься, — с сочувствием вздохнул майор. — Собирайся, поедем в отделение.

«Откуда так быстро узнали? И почему участковый? Странно как-то. Вроде опера должны быть, судя по фильмам. Хотя что я знаю! Если всем фильмам верить…»

— А мне нечего собирать, я невиновен. Сразу из отделения отпустите.

— Ну-ну. Документы с бумажками все собери.

Я пошел к тумбочке за паспортом и мельком посмотрел в окно. Там стояла тонированная черная БМВ, с раскрытой пассажирской дверью. Рядом с машиной никого не было. «Крутой участковый, водила его возит… или это специально за мной? Номера не синие… может, чья-то личная, хоть того же майора. Все равно странно все это». Взял паспорт и повернулся к участковому:

— Я готов, — и обратил внимание, что кобура уже расстегнута. Я внутренне собрался, как тогда в парке.

— Ну не обыск же у тебя устраивать! Я сказал: все бумажки, это значит записки, записные книжки, визитки. — Он холодным взглядом смотрел на меня.

Тут я понял: меня собрались убивать. Этот человек кто угодно, только не милиционер.

— А! Понял. Сейчас, — подошел стенке и взял с полочки визитку, — у меня только одна, и она не моя. Брать?

«Участковый» кивнул.

— Записки… по-моему, на столике одна лежала, сегодня записывал, и на кухне еще одна.

«Мент» поднял со столика фуражку и папку, посмотрел на меня, мол — где? Я нагнулся, заглядывая под стол и кресло.

— Вон, за кресло упала. Да сидите, я подниму.

Он все-таки развернулся в кресле и заглянул за спинку.

— Где?

Когда он, почувствовав опасность, дернул руку к кобуре, я уже стоял рядом с ним. Он не успел, я ударил раньше. Сцепленными в замок руками рубанул по затылку, «майор» обмяк. Посмотрел на ауру. Она оказалась чуть голубее моей, а через мгновение еще немного поблекла. Со страхом ждал когда «отлетит душа», но обошлось слава богу. Осторожно пощупал пульс на шее — есть! И отдернул руку — вдруг очнется? «Что делать, куда бежать? Он точно хотел меня убить, по глазам видел. Скорей всего, не здесь. Хотя кто их знает? Да кто ты такой, Сан Саныч?.. Водитель в машине ждет!!!» Подлетел к окну и осторожно выглянул. Машина там же, никого вокруг, пассажирская дверь открыта. Ничего не понятно — высоко, но, вероятно, сидит на водительском месте.

«Дверь!» Подлетел к входной двери и закрыл на два оборота. «Сколько он будет ждать? И что делать?»

Подошел к телу, осторожно снял ремень с кобурой и надел на себя. Обыскал, нашел сотовый и выключил.

Сел на диван в позу лотоса, успокоил дыхание и закрыл глаза.

Только выкинул мысли из головы, так сразу «провалился» в транс. Как здесь хорошо! Просто дух захватывает от восторга! Вокруг кружатся в танце стихии, все такие красивые, так и манит присоединиться к ним, и ты знаешь, что ты здесь ХОЗЯИН и можешь буквально ВСЕ в этом мире. Это пьянит. Вот теперь я понимаю королей и президентов, власть так сладка!

Не отвлекаться! Во-первых, энергия.

Что я знаю? Из магии — ничего, из физики — закон сохранения… не то, термодинамика — слишком механистична… думай! Квантовая — основа E=MC квадрат… Что-то есть, чувствую… если взять из света, а туда, если верить Ковалевскому, входят все электромагнитные явления, несколько квантов, допустим, красного цвета и… отложить куда-нибудь. Потом взять от… земли несколько атомов, сунуть их в тоже хранилище и заставить присоединиться к квантам. Самое сложное будет «объяснить» атомам не поглощать свет, а соединиться с ним, тогда атомы, имеющие массу, как бы «полетят» со скоростью света, а это ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ! Создаем емкость для нее и вуаля! Я совершенно упустил из виду, что такое в принципе невозможно согласно той же теории относительности, и, как оказалось, был прав: магия — не физика, в ней невозможное — возможно.

Продумать-то продумал, но выполнять… первую емкость, «реактор» где сделать, чтобы всегда пользоваться, да и «хранилище» где? «Вызвал» собственное тело. Подумал и решил: в голове (типа всегда со мной, даже если отрубят, ха-ха) левая часть — реактор, правая — хранилище. Кстати, энергию решил назвать маной, вроде так в фэнтези называли. Создал резервуары. Между ними тонкий проход, с клапаном, чтобы энергия в обратку не уходила. Потянул от света красные нити в реактор и буквально чуть-чуть отрезал. Получились красные звездочки, плавающие в реакторе. От земли точно так же, только звездочки желтые, по цвету стихии. Теперь попробовал их сливать. Какие они тупые! По отдельной паре звездочек пробовал — поглощали, и все! И ругал, и уговаривал, и объяснял — не понимают! Все-таки догадался: «Потанцуйте друг с другом и кружитесь быстро-быстро». Получилось! Сначала одна красно-желтая пара превратилась в серую точку и тут же шмыгнула в хранилище, ура! Потом вторая, и далее пошло. Работал, пока хранилище не заполнил. Красиво! Сфера, забитая серыми переливающимися точками. А в реакторе число точек почти не уменьшилось! «Вот это да!» Знал, что в формуле Эйнштейна куча силы, но чтоб столько? Не ожидал. Хотя откуда я знаю, как это будет в реале? Вопросы и вопросы. Дополнил резервуары индикаторами заполнения: не заморачивался и сделал как в игрушках — бегающие полоски со спектром от зеленого (полный) до красного (пустой) и рядом цифры процентов. Разрешил себе пользоваться резервуарами при помощи мысленных команд. С энергией все. Проверка потом.

Во-вторых, надо куда-то бежать, но куда? В другую страну? Обдумывал и так и эдак — отверг. Слишком много проблем. Времени потерял — ужас. Остается в другой мир, а он есть, абсолютно уверен, и хочется туда ужасно! Если, конечно, найду куда и как. Эта мысль охватила меня внезапно, и я поверил в нее целиком, без всякой критики, совершенно не задумываясь, откуда она взялась.

Поищем… и заставил мир раздвинуться как можно больше. Это произошло мгновенно: вокруг заполыхали миллионы разноцветных точек! Тусклых, ярких, далеко и близко, самых разных цветов. Я растерялся. Чувствовал, что можно подлететь к любой и попытаться проникнуть в другой мир, а это миры, я знал точно. Но куда? Как выбрать? Довериться случаю? Только в качестве крайней меры. А не поискать ли мне ответов в собственной ноосфере? «Попытка — не пытка», — говорю себе и ныряю в фиолетовый знак.

Вокруг туман. Начал приближать его к себе, он стал расслаиваться и разделяться на все более мелкие части, и наконец в голову хлынули чужие образы, отрывки чужих мыслей, и все в такой жуткой мешанине, что найти конкретное — просто невозможно! «Стоп!» — приказываю, и все остановилось. Буду действовать как в компьютере. Поиск. Первичная индексация: по времени создания мыслеобраза, вторая: возможное иномировое проникновение, направление: от настоящего к прошлому, поехали! Опять все замелькало. «Стоп, сначала. Скорость поиска регулирую сам, начали». Сразу замедлил поток. Так… летающие тарелки, корабли со страшными существами, опять похожие, но другие, портал, на мгновение мелькает мысль: откуда я знаю про порталы? И пропадает. «Стоп, команда — медленнее». Из черной воронки над пирамидами спускается на землю пантеон египетских богов. Ввожу еще индекс: существа — люди, «начали», опять портал в виде черной воронки, только стоящей частью входящей окружности на земле. Кругом песок. Точно знаю, что это Южная Америка в районе пустыни Наска, десять тысяч лет назад. Из портала выходят люди в серебристых одеждах, похожих на скафандры, в руках у каждого что-то типа дипломатов. Европейские лица. Еще замедлил «воспроизведение» и услышал эмоции человека, видевшего пришельцев, — страх, радость, благоговение: боги пришли! «Стоп!» Приблизил портал и попробовал войти туда — просто проскальзываю сквозь него и остаюсь на земле. «Правильно, это же просто запись. Попробуем узнать, из какого они мира». Обозвал портал ярлыком и пожелал пойти по линку. Меня выкинуло обратно в «звездный мир», одна яркая, зеленая звезда стала быстро приближаться, и скоро я висел над планетой, очень похожей на Землю, только континенты другие. Я завопил от восторга! Выбрал континент, примерно зону умеренного климата, и пожелал спуститься. Приблизиться удалось примерно до высоты в десятки, может, сотни километров, гораздо выше вида с самолета, и встал — ниже не пускает. Вот что значит чужой мир — меня не слушается, но настроение не испортилось. Внизу тонкие ленточки рек, луга и большие массивы леса. Людей из-за высоты не разглядишь. Полетел вдоль поверхности искать поселения и скоро на горизонте увидел прогалину песчаного цвета. Подлетел к ней — вроде какие-то геомертически правильные постройки, но очень мелкие, и тут обзор закрыли тучи. Я просто взвыл от злости! Но ничего, подожду.

Надо сказать, что я забыл о лежащем в квартире живом «милиционере» и о том, что время поджимает и надо быстрее убираться и т. д. По моим внутренним ощущениям, прошло около суток, а в реальности, наверное, час. Входная дверь оказалась вскрыта, водитель — Сан Саныч! — с красным от ярости лицом хлещет меня по щекам и трясет за плечи. Пистолет из моей кобуры вынут и лежит на полу рядом с диваном. Еще немного, и Сан Саныч меня убьет.

Я почувствовал, как неумолимая сила тянет меня назад, прочь от планеты. «Нет!!!» Я интуитивно обращаюсь к мане и бросаю ее вперед, к поверхности. Она закрутилась и серой воронкой потянулась вниз. Тянущая назад сила уменьшилась. Я стал добавлять и добавлять ману в воронку до тех пор, пока она не увеличилась в диаметре метров до двух, а длинный шлейф от нее не коснулся поверхности. Я кидаю себя в мгновенно возникшее тусклое «зеркало». Все вдруг исчезло, и меня не стало.

Сан Саныч перестал трясти Игоря, ругнулся и подобрал пистолет. Ярость переполняла его.

Этот странный молодой человек его заинтересовал. Сначала он просто искал сисадмина, умеющего держать язык за зубами, для своей конторы по выполнению «деликатных» поручений. При первой встрече ему показалось, что Игорь соответствует этим требованиям. Легко поддался внушению на прекращение запоя и вызов симпатии, но на следующий день

не позвонил. Удивившись, Сан Саныч хотел уже поручить Роме забрать визитку у Игоря, но дела затянули. Неожиданно еще через два дня Кравцов позвонил сам. По разговору Сан Саныч заподозрил, что тот скрывает продолжение запоя, но решил все-таки перепроверить и дал адрес для встречи. И тут как гром среди ясного неба — проблемы с милицией.

Конечно, в его работе любые проблемы с законом, через которые на контору можно выйти, недопустимы, но так сразу принять решение ликвидировать алкоголика, чтобы изъять все ниточки, ведущие к конторе, — нонсенс. Тогда он об этом не задумался.

Уже подготавливая операцию, Сан Саныч узнал, что подозреваемый, по описанию похожий на Игоря, избил в парке троих неслабых налетчиков, поэтому план скорректировал. Сам едет с «участковым» и поручает ему привести парня в машину с запиской и визиткой, чтобы сначала поговорить, а там уже видно будет. Когда через полчаса никто не спустился, Сан Саныч забеспокоился, а когда телефон не ответил, не на шутку заволновался и решил сам подняться в квартиру.

На звонки дверь не открыли. Сан Саныч вытащил набор отмычек и, вспомнив молодость, принялся вскрывать дверь. Сказалось длительное отсутствие практики — на вскрытие ушло минут двадцать при несложном замке.

То, что произошло в квартире, не укладывалось в голове! Опытный ликвидатор лежит на полу без сознания, а молодой человек с отрешенным лицом сидит, скрестив ноги, на диване, да еще и опоясанный ремнем с кобурой. Сан Саныч рефлекторно разоружил парня и начал приводить его в чувство. Бил по щекам, тряс за плечи — все без толку. Это вывело его из себя. Ярость на сосунка достигла предела, он поднял пистолет… И вдруг увидел, что за Игорем возникло странное образование — все более уплотняющееся тускло блестящее серое пятно, и этот ублюдок стал в нем тонуть. «Уйдет же!» Не помня себя, Сан Саныч выстрелил в исчезающего. Через мгновение диван был пуст. Следа от пули нигде не было. Появился стойкий запах сгоревшего пороха.

Впоследствии Скобелев анализировал свое поведение и поражался несуразности произошедшего. Что мешало приказать тому же Роме забрать визитку с запиской? Да и вообще, чем бы ему повредили эти ничкемные бумажки, окажись они в милиции? Ничем! Глупость какая-то, как затмение нашло! Почему-то послал на дело самого несдержанного, Пухлого, почему-то сам поперся наверх, поняв, что произошло непредвиденное, и, наконец, откуда ярость, зачем было стрелять? В натуре, мистика.

Он с трудом привел Пухлого в чувство, собрал все бумаги в квартире Кравцова и быстро, насколько позволяло состояние ликвидатора, убрался прочь. Пухлый вяло оправдывался, сам ничего не соображая. Ему показалось, что жертва готова сигануть в окно, он чисто рефлекторно расстегнул кобуру. Потом легко повелся на детский трюк с бумажкой.

Дома Сан Саныч с изумлением просматривал принтерные распечатки и не хотел верить ни единому написанному там слову. Вид исчезающего тела стал часто сниться в кошмарах, и это явное колдовство он усиленно пытался выбросить из головы. Иногда просыпался в холодном поту, не помня сна.

Спустя месяц увлекся эзотерикой и всеми связанными с магией дисциплинами. Попытка войти в круг инициации не привела ни к чему, кроме долгой головной боли, впрочем, работать «по специальности» не перестал и даже нанял в контору колдуна вуду. Толку от него пока не было, но Скобелев упрямо надеялся на успех.

Забрать компьютер с записью удачной инициации Сан Саныч не догадался.

Глава 4

Холод пробирал до костей. Ужасно хотелось пить. Губы тряслись, зубы выбивали чечетку, во рту все горело, язык пересох. Я лежал на спине, затылком чувствуя холодную примятую траву. Спину и ноги не ощущал вообще, точнее, они будто плавали в воздухе, ни за что не задевая. Руки еле шевелились. Мне все-таки удалось себя ощупать: ремень, кобура, джинсы. Футболка вся в засохшей крови, в центре груди рана под коркой. Лоб в холодном поту, щеки горят. Дышать было больно, воздуха не хватало, и приходилось часто-часто хватать его ртом, как собака в жару.

Казалось, что лежу уже целую вечность и так и скончаюсь здесь, в этом лесу в почти кромешной тьме. Замерзну или умру от жажды. Проклятое бессилие! Когда я очнулся и открыл глаза, увидел темень. Вернее, темное, почти черное ночное небо. То ли густые облака, то ли еще черт-те что закрывало звезды и луну, если они вообще существовали в этом мире. Запахов было много. Так пахнет в лесу: травой, деревьями, возможно, грибами, прелым листом и еще чем-то характерным, что спутать нельзя. Изредка ветерок доносил сырой запах реки. Противно пищали комары, но не кусали.

Почему ночь? Откуда рана в груди, которая так болит? Почему не чувствую тела ниже пояса? Поврежден позвоночник? Ужасная слабость: с трудом могу поднять голову или руки. Даже ползти не могу. Вопросы, вопросы… Может, мне вообще все это снится? Нет, во сне такого постоянства не бывает. Мыслей много, и не могу четко соображать, как в бреду. А откуда я знаю — как в бреду? Может, все это и есть бред больного воображения с манией величия в придачу. А что! Вселенной управлял, в миры перемещался, и вот результат — лежу в психушке с простреленной грудью и брежу. Стоп! Почему подумал, что в меня стреляли? А что, очень похоже на пулю: вошла в грудь — входное отверстие есть под запекшейся кровью, задела позвоночник — вот и паралич, и вышла, наверное, из спины. Видел у матери в атласах выходные отверстия огнестрельных ранений, мама не горюй! Вырывает кусок мяса размером с кулак, но лучше, чтобы все-таки пуля вышла. И что это я так вцепился в эту дурацкую версию? Да, симптомы, похоже, совпадают, но я не медик, так, нахватался от мамы. Кто бы в меня стрелял и когда? Вспоминаю… блин, как трудно сосредоточиться! Я «подлетел» к миру, предположительно к тому, откуда на Землю приходили те дядьки в скафандрах. Нет, в костюмах, чем-то напоминающих скафандры без шлемов, как будто из фантастики про будущее. Ожидал, что на поверхности будет много строений, городов, башен и т. д., но увидел сплошную экологию. Уже странно. Хотя кто их, высокоразвитых, знает, как они живут, да и сильно далеко было. Поискал и вроде нашел какую-то упорядоченную аномалию, подлетел, но высоко и облака — не разглядел, а еще и потянуло. Точно! Просто невероятно сильно потащило назад! Пришлось срочно создавать портал. Ха! Как громко сказано — создавать, будто умею. Просто пожелал и напитал энергией, он и возник. Потом меня «отпустило», и я успел прыгнуть в него. А ведь, похоже, «тянуло» не просто так… водитель! Возможно, и не один — сломали дверь и начали меня «будить», потом перестали и застрелили, а в перерыве я успел «портануться», но пуля, падла, достала.

«Надо проверить оружие». Собрался и пошарил рукой по кобуре — пусто! Из него же, поди, и пальнули, суки. И ужаснулся: все это вокруг РЕАЛЬНО! Я один в лесу, раненый, беспомощный, загибаюсь от холода и жажды. Возможно, умираю от раны, причем долго — уже ночь. В панике закрутил головой, попытался ползти, но взвыл от боли и прикусил язык. Хищники! Надо потише, могу привлечь. Прислушался: комары звенят, что-то шуршит в траве, явно мелкое, по руке проползла какая-то букашка, и больше ничего. Уже легче, но все равно надо осторожней. Сжав зубы, попробовал еще раз на локтях — в глазах потемнело от боли, и невольно простонал. «Не Мересьев я», — грустно улыбнулся. Ты смотри-ка, паника

прошла, и снова застонал сквозь зубы. Родители! Они же с ума сойдут. И снова тоска… вот я неизвестно где и НИКОГДА их не увижу. Нет! Раз попал сюда, значит, смогу и вернуться… наверное. «Да точно!» — успокаивал сам себя. Хотя… я же ни фига не знаю и не умею, мне бы в живых остаться! Будем надеяться, что, если сразу не умер, должен выжить. Опасаться нужно пока только зверей, поэтому затихнем.

Невольно порадовался за свою регенерацию. Как удачно тогда вышло, словно подбил кто-то. А может, действительно подбил? И вообще, удивительно гладко все получилось: раз — здоровья немерено, два — пожалуйста, в другой мир. Странно все это, как в сказке про… ничего на ум не приходит, про золотую рыбку разве. А чем там закончилось?.. А убийство? А броситься с голыми руками на вооруженного? Я опять застонал. Это же был не я, как бы не пытался сам себя уверить в обратном. Все шло к тому, чтоб потребовалось бежать, и мне прямо подсунули этот мир! Нет, лучше не думать об этом… перетерпеть жажду и холод — вот главная задача. Маг я или кто? Надо в транс, срочно. Пытаюсь… не получается! Все мешает: боль, холод, жажда, бардак в голове — нет, никакой я к чертям не маг, обидно. Надо попробовать просто уснуть: так, дыхание не успокоишь, задохнусь, ну хоть мысли выкинуть из головы. «Я спокоен… я совершенно спокоен… я расслаблен… ага, парализован. Тьфу, черт! Надо овечек считать. Одна, вторая, третья…» Не помню на какой овце, но усталость победила, и я провалился в сон.

Снился мне Сан Саныч с искаженным от ярости лицом, который медленно поднимает ПМ, целя мне в грудь, и низким, замогильным голосом произносит: «У-й-д-е-т ж-е» — и очень плавно нажимает на спусковой крючок. Из дула распускается алое пламя и выплывает пуля. Она, вращаясь, приближается ко мне, от нее расходятся волны, как в «Матрице», до слуха доносится перекат грома, а пуля касается моей груди, продавливает и пробивает грудину, царапает сердце, рвет сосуды и легкие, давит на позвоночник, раскалывает его и, словно мячик от стенки, рикошетит немного в сторону, давит на мышцы, рвет их, проходит между ребер и вместе с куском мышц и кожи вываливается из тела и плывет дальше. Волны от пули проходят по внутренностям, тряся их и появившуюся кровь. Сердце останавливается, не выдержав оскорбления, и я умираю. Перед глазами калейдоскоп: лица, цвета, знаки стихий, руны — все вперемешку и мелькает. Черный тоннель, куда падаю, и, наконец, свет. Чувство чужого, доброжелательного внимания.

Красный мигающий фонарь с надписью «В ружье!», звуки зуммера. Бегущие солдаты, хватающие автоматы из оружейной стойки, браконьеры с охотничьими ружьями, крадущиеся за добычей, и егерь в форме с карабином, следящий за ними.

Проснулся от света. Рассветный туман уже поднялся. Вокруг на невысокой траве крупными прозрачными каплями сидела роса. Она манила недоступной влагой, и я с жадностью стал слизывать шершавым языком все капли, до которых мог дотянуться. Непослушными руками нагибал траву, стараясь не сбивать росу на землю. Это удавалось с трудом: просто огромное количество влаги бездарно проливалось на землю. От обиды хотелось завыть!

Вдруг послышался странный далекий звук, похожий на фырканье. Я замер, и неожиданно надо мной появляется человек. Тот самый егерь из сна с аккуратно подстриженной черной бородкой, загорелым лицом и голубыми глазами. Одет не в форму, а в длинную кожаную куртку желто-зеленого цвета с откинутым капюшоном. На голове зеленая шляпа, похожая на тирольскую, без перьев, кожаные штаны и сапоги, тоже зеленые. Широкий кожаный ремень с большим кинжалом в ножнах и с непонятными холщовыми и кожаными сумками. За спиной на перекинутом через плечо и голову ремне болталось какое-то оружие. Явно не карабин.

Человек внимательно осмотрел меня, вскинул брови и что-то сказал на непонятном языке, явно удивленно. Я замотал головой, показал пальцем себе на рот и прохрипел: «Пить». Он опять внимательно посмотрел на мое лицо и вытащил из поясной сумки медную фляжку.

Поднес ко рту и начал вливать мелкой струйкой холодную и такую вкусную воду. Жадно вцепившись во флягу руками, я глотал, захлебывался и снова глотал, пока незнакомец не забрал фляжку, пробормотав что-то типа «пока хватит, мол, больше нельзя». Я закрыл глаза и с наслаждением чувствовал, как влага всасывается в иссохшее тело. Егерь куда-то пропал. Раздался звук ломаемых деревьев, и скоро он опять появился со сделанными из веток волокушами. Аккуратно подхватил за плечо и таз, перекатил меня прямо на них и поволок.

Как мало человеку надо для счастья! Лежа на животе, я тихо радовался изменению положения тела, уткнувшись щекой в свежие листья. Егерь тихо свистнул и привязал волокуши к подбежавшей лошади. Погладив ее по шее, повел за уздечку. Сколько мы шли, не заметил — несколько раз терял сознание и приходил в себя от ударов по лицу разными корягами и, наконец, вырубился окончательно.

Пришел в себя в деревянном доме лежащим на твердом тюфяке, голым, забинтованным чистым полотном и укрытым одеялом. В небольшое окно лился свет. Рядом с моим топчаном стояла грубая табуретка, а на ней чашка с отваром. Потянулся к ней руками и обмер: какой же я худой! Только кожа да кости. Вот теперь точно — бухенвальдский крепыш. Еле-еле повернулся на бок и поднял чашку, попил, обливаясь. Вкус — омерзительный. Откинулся на подушку. Боли почти не было, дышалось хорошо, и я снова чувствовал все свое тело. Пошевелил ногами — получилось. Но слабость была ужасной! После такой небольшой нагрузки одышка. Голова кружится. Ни о чем не хочется думать. Я и не думал, пока не уснул.

Проснулся от чужого взгляда и сразу учуял аромат горячей еды. Рядом на табуретке сидела миловидная, средних лет женщина в светлом платье с вышитыми узорами. Длинные темные волосы заплетены в две толстых косы. Увидев, что я проснулся, улыбнулась и стала быстро говорить.

— Не понимаю, — сказал я и развел руками.

Она замолчала. Потом, будто внезапно что-то вспомнив, вскочила, взяла со стола ароматно парящую чашку и протянула мне, что-то говоря при этом. Я приподнялся на локтях. Она сказала: «Ой», поставила чашку обратно, приподняла меня за плечи и подбила подушку. Снова подала чашку. В ней оказался теплый мясной бульон с фаршем. Я медленно его выпил. Вкуснотища! Потом пришлось выпить тот противный настой, и меня быстро сморил сон. Так продолжалось много дней. Ну, и еще она подставляла местный аналог утки и убирала из-под меня. Тогда я жутко краснел, а она укоризненно качала головой. Постепенно силы прибывали, но попытки вставать хозяйка пресекала. Кормила уже не только бульоном, но и кусками вареного мяса или рыбы с хлебом.

Повязка была снята, на груди оставался только розовый шрам, и на спине, судя по выражению лица егеря, тоже было неплохо. Только проклятая слабость! Да и вес набирался очень медленно.

После нескольких неудачных попыток наконец-то удалось войти в транс. Стихии попрежнему легко отзывались на мои команды, но конкретного результата от этого я не замечал, за исключением «жизни». После обращения к ней силы стали прибывать гораздо быстрее, поэтому захотел направить к ней небольшую постоянную подпитку по типу ключа с обратной связью: большой расход — включение, маленький — выключение. «Как я все продумал!» Аж самому понравилось, но вдруг — облом! Попытался еще несколько раз, результат тот же. Ничего не понимаю, почему? Как портал сделать, так запросто, а тут… казалось бы, фигня… ну, «золотая рыбка»! Настроение, как обычно в этом состоянии, было замечательным, поэтому долго не заморачивался. Ладно, потом разберусь. Кстати, запасы маны уменьшились почти наполовину, я понятия не имел, много это или мало, и снова заполнил хранилище, хоть эта способность не пропала. Стихия Разума откликалась вяло, видимо, она сильно завязана на ноосферу конкретного мира или просто в шоке, но нечто похожее я и ожидал, а жаль: хотелось бы узнать побольше и поконкретней, куда же я попал. Грызли боль-

шие сомнения, что те «люди из будущего» приходили отсюда. Еще было очень любопытно, почему со мной не занимаются языком, мы даже не познакомились толком! Когда я пытался познакомиться с хозяйкой и называл ей свое имя Игорь, показывая на себя, она смеялась, махала рукой, кивала и отходила. Хозяин, он, кстати, жил где-то отдельно и появлялся раз в два-три дня, тоже не стремился общаться, объясняя мне знаками: «Потом».

После установления легкой связи со стихией Жизни сонное или успокоительное средство, которым являлся тот противный отвар, стало слабо на меня действовать, и я проснулся, когда никого не было дома. Сразу попытался встать. С первой попытки ничего не вышло — закружилась голова, потемнело в глазах, и я чуть не потерял сознание. Начал вставать постепенно. Сначала садился, потом опускал ноги и ждал, когда пройдет головокружение, потом поднимался на секунду и падал — ноги не держали. Но я не расстраивался, был доволен и этим. Постепенно стал делать по нескольку шагов. Был застигнут моей «заботливой», но ничего, поворчала, махнула рукой и принесла мою постиранную и заштопанную одежду — в дальнейшем стал заниматься уже одетым. Прогресс был очевиден, силы прибывали.

Прошел примерно месяц нахождения в этом мире, когда мой спаситель принес кристалл, на вид из мрамора, в форме пирамиды высотой примерно пять сантиметров и знаками передал, что сейчас будем учить язык. Посадил меня на тюфяк, положил на мою правую ладонь кристалл и накрыл его сверху своей правой рукой, как бы здороваясь, и кое-как объяснил, что размыкать руки нельзя. Потом велел закрыть глаза. Примерно через минуту почувствовал слабое тепло от кристалла, которое, постепенно поднимаясь, достигло головы. Тут перед внутренним взором возникло яркое объемное кружево фиолетового цвета. Оно казалось сплетенным из неровных кружочков — крючочков, что-то сильно мне напоминающих, но разобраться не успел: плетение словно взорвалось, и многочисленные фиолетовые вихри разлетелись по голове. Хлынули звуки и образы, буквально затопив сознание. Они прибавлялись и прибавлялись, я не различал ничего конкретного, просто мешанина из слов, понятий, букв, звуков, образов, которые сами куда-то рассасывались, оседая в глубинные структуры Разума. Скоро это закончилось, а Рон все не отпускал руку.

Рон! Я знаю, что он служит егерем у графа Вальда нор’Флока, живет в охотничьем домике графа в этом лесу, а это дом знахарки Агны Римпис, бездетной вдовы и его любовницы. Сам он служит только два года, а до этого был охотником в руинах. Вот, собственно, и все, что я узнал. Что за «руины», осталось непонятным. Нет, понятно, что развалины, но это еще и что-то конкретное. Не знаю, специально Рон передал мне эти сведения или они случайно проскользнули.

Уже несколько минут я сидел и ждал, когда Рон, наконец, откроет глаза и отпустит мою руку. Я успел посмотреть на его ауру, она оказалась достаточно большой и насыщенной, гораздо больше и насыщенней ауры Агны, и была странного слабо-апельсинового оттенка. Понаблюдал, как кружится вокруг наших сцепленных рук какое-то оранжевое плетение, успел порадоваться, что впервые воочию вижу настоящее заклинание, и мне надоело ждать.

— Кхм. — Я кашлянул, привлекая внимание.

— А? Что? Ты уже? — очнувшись, удивленно произнес он, открыв глаза. — И давно?

— Нет, только что в голове все уложилось, — медленно произнес я, язык привыкал к новым звукам. Соврал автоматически, в ответ на удивление.

— Точно? Ты хорошо меня понимаешь? Лингвор четверть часа обычно работает.

— Точно. Я хорошо тебя понимаю. Но ничего не понимаю: где я, кто ты и вообще…

— Ну что ж… давай познакомимся. Я Ронор’Галар — егерь графа Вальда.

— Игорь Кравцов. Не местный. Причем совсем. Я из другого мира, что ли? У нас всего этого нет. — Я кивнул на кристалл. «Да и вообще не Средневековье и магии нет… или не было… или была? Тьфу ты, совсем запутался».

— Иг’ор Кр’авц?

— Можно Егор, так лучше. — Сам понял, что по-иверски (название языка) мое имя звучит примерно как «чужак безземельный, выгнанный с родины, изгой». Такое вот понятие, а ведь точно! Еще один плюсик к версии про вмешательство неизвестного мне пока фактора в мою судьбу. — И спасибо, что ты меня спас.

— Егор, — он облегченно улыбнулся, — так гораздо лучше. Да не за что! Агна говорит, что ты сам выздоровел. С такими ранами не живут. Если только маг Жизни рядом окажется, да и то вовремя. И не так быстро заживает.

Замолчав, он пристально, прищурившись, посмотрел на меня. Долго. Мне даже неудобно стало, и я отодвинулся. Инстинктивно.

— А то, что спас тебя… — продолжил он, — накануне того, как тебя найти, почувствовал я выброс силы. Откуда — непонятно. Я не классический маг, можно сказать, самоучка, охотники многие такие, да и инструментов нужных, чтоб наблюдать, не имею. Потом объясню, кто такие охотники, — предупредил, заметив, что хочу перебить. — Так вот, выброс и выброс, сильный, конечно, почти буря — может, артефакт мощный в неумелых руках взорвался, может, маг какой балуется, но мне без разницы, если не на моей земле. А вечером гонец от графа, объясняет: графский маг засек сильное магическое возмущение в направлении на юго-восток от замка и примерно километрах[1] в пятидесяти — ста. Как раз мои леса в эту зону попадают. И приказ графа — выдвинуться с утра в направлении Веселой рощи, встретить поисковую группу и быть у них за проводника. Станут, мол, чернокнижника или дурака ловить.

Рон сделал паузу.

— И дернуло меня еще затемно выехать. Места у нас в целом спокойные, дорогу знаю хорошо, и вот часа через два, почти сразу после рассвета на тебя и наткнулся. Удивился очень. И одежда необычная, и рана странная, смертельная, а ты живой. Аура вроде обычная — не маг, но точно не скажешь: уж больно в плохом ты был состоянии. Можно было сдавать тебя графу, но… понимаешь, я знаю, что Вальд помешан на религии и во всем слушает своего епископа, Парсена, а тот просто фанатик! Тебя бы пытали и сожгли, — я удивленно поднял брови, — либо как чернокнижника, либо как шпиона. Он бы нашел за что. И я этого не люблю, был, понимаешь горький опыт. А черноты что тогда, что сейчас в тебе нет. — Рон печально усмехнулся. — Вот и привез тебя к Агне: даст Бог — выживешь, нет — значит, не судьба. Да и любопытно мне стало — кто же ты такой? Об этом доме мало кто знает, и графские ищейки вряд ли сюда явятся, ну а сам поехал на встречу с поисковиками. Три дня по своей земле я их водил. Не нашли, к сожалению, — он развел руками и подмигнул мне, — потом они отправились искать дальше, а я к себе. Упорно искали, и помощник Спасителя с ними был. Вот так.

Рон замолчал. Я переваривал сказанное. С ума сойти! Феодалы, церковники, чернокнижники, маги. Будто окунулся в фантастический, исторический фильм типа «Мерлина»… И это реальность? И меня запросто могут убить? Подозрения, конечно, были, но все-таки подсознательно надеялся, что Агна и Рон просто живут в заповеднике, а там, в «большом мире», — цивилизация. И все разбивается…

Я откинулся на подушку. Как обидно! Читая «Три мушкетера» в детстве, конечно, переживал и представлял себя в том времени, романтика! Но то детство, а став взрослым, превратился в прагматика. Учеба в политехе, работа — не до благородных мечтаний. Даже женился хоть и по любви, но вроде как больше по необходимости. Никогда во взрослом возрасте не представлял себя со шпагой в руке, да и некогда было — жил как все, и меня это устраивало. Как могли старые записи о магии так завлечь? Да ни в жизнь я, даже прочитав их внима-

[1] Все величины, в том числе время и календарь, приведены в привычном на Земле виде.

тельно, не стал бы воплощать все в реальности! Тьфу ты, так можно во всех своих поступках начать сомневаться.

— А теперь ты рассказывай, и желательно правду, — услышал я голос Рона.

Я сел, подумал и начал рассказывать. О своем мире — все, что вспоминалось. Про инициацию. Про энергию умолчал. В портал провалился случайно, что недалеко от истины. Несколько раз пришлось смачивать горло медовым сбитнем. Забыл уже, когда в последний раз говорил так долго.

Рон слушал внимательно, не перебивая.

— Говоришь, один прошел инициацию? — с сомнением после паузы произнес он.

Я кивнул. Говорить больше не было сил. Рон покачал головой.

— А что за стихия Разума? Какие руны писал в круге? Как выглядели знаки стихий? Зачем подкрашивал их, если они и так имеют свой цвет? Как умудрился инициироваться одновременно всеми стихиями?

На все эти вопросы я пожимал плечами. Потом выдавил:

— У нас магии нет, я ничего про нее не знаю, — и удивился. Рона совсем не интересовали машины, самолеты, компьютеры.

— Знаешь, если бы ты передо мной не сидел, я не поверил бы ни одному слову. И мой тебе совет — больше никому про себя не рассказывай. Потом легенду тебе придумаем. — По крайней мере, Жизнью ты точно инициирован, — после паузы добавил он, — но по ауре этого не скажешь — она как у самого обычного человека, это еще одна причина тебя скрывать. — Рон поднял вверх палец. — Если не сожгут, то запрут и будут изучать. Маги у нас любопытные. — И невесело усмехнулся. — Значит, так. Пока поживешь здесь, наберешься сил. Агна расскажет подробней о нашем мире. Она знахарка и моя подруга. Прошу не обижать, — посерьезнел он, — здесь надежно, но если что, спрячет. А мне пора. Кстати, каким оружием тебя чуть не убили?

Я взял с сундука кобуру, вытащил из нее запасной магазин, выщелкнул патрон и показал Рону.

— Вот этой пулей. Она вылетает с большой скоростью, когда порох внутри патрона сгорает. Самого оружия нет, его вытащили из этой кобуры и из него же в меня стреляли. Как видишь, сила огромная — насквозь меня прошила.

Не знаю, что Рон понял из этой смеси «французского с нижегородским», но уважительно взял патрон в руку, повертел и вернул назад.

— Скажи Агне, пусть спрячет все это. Я приеду послезавтра. До встречи. Служба все-таки, — с сожалением вздохнул он. — Да, из дома не выходи пока, хорошо?

— До свидания, Рон. Понял, не выйду. — И сморщился. Надоело заключение.

Когда раздалось удаляющееся цоканье копыт, я сидел на своей шконке. «М-да… попал так попал. А если он захочет меня сдать? Ну нет! Так думать нельзя! Верить надо людям, верить. Несмотря ни на что» — это вспомнился Сан Саныч. С такими успокаивающими мыслями начал тренироваться.

Через час пришла Агна.

— Здравствуй, Агна.

Она вздрогнула, удивленно посмотрела на меня и заулыбалась.

— Наконец-то! Рон приносил лингвор? Достал все-таки. А я пилила его: давай учить постояльца языку, а он все отмахивался — подожди, говорит, скоро лингвор обещали, не путай его, на чистую лучше усвоится. Как я устала! Живу с гостем, а поговорить не с кем. Ты не думай, я не болтушка какая, но все равно поговорить иногда страсть как охота. Я же одна здесь. Спасибо, Рон заезжает, да деревенские иногда заходят, перекидываемся парой слов. Ой! Ну вот, заболтала, — и весело засмеялась, — давай знакомиться. Я Агна Римпис, знахарка.

— Егор. — Я тоже невольно улыбался, глядя в смеющиеся серые глаза Агны.

— Просто Егор?

— Да, Рон попросил ничего про себя не рассказывать, извини.

— Даже так! Ладно, — по тону было понятно, что Рону придется несладко, — будто я не знаю, что ты из портала вывалился. А мне что можно тебе рассказывать?

Тут уже засмеялся я:

— Все! Введи меня в курс дел. Про графство, про соседние страны, про людей, про все, что знаешь. Представь, будто я ни о чем не имею ни малейшего понятия. Совсем.

— Знаю я немного, и последние сплетни до меня поздно доходят, ты ж понимаешь, — засмущалась она. — Давай сядем за стол, я сейчас принесу перекусить.

Принесла медовый сбитень и пирожки с грибами. Мы сели за стол. Начала, как лектор, мне оставалось только направлять.

— Наше графство Флок, маленькое и очень спокойное. Граф никого из соседей не принимает, ни с кем не воюет. Он бы вообще в монастырь ушел, но епископ Парсен не дает. Как же! Такого лакомого куска лишиться, сынок-то графа церковников не слишком жалует, потому и живет в столице. Столица наша Русток, и герцогство так же именуется. Герцог — сюзерен нашего графа. Вот тот воюет постоянно, с соседними баронствами. Они пока вольные, а у герцога губа не дура, хочет под свой вассалитет их подвести, но пока безуспешно. Недавно вытребовал у графа почти всю дружину, а у нас степь рядом. Не дай Спаситель кочевники налетят!

Ты кушай, кушай, или не вкусно? Дальше? Деревень в графстве не много, около двадцати, хуторов число — не знаю, я не мытарь. Народу тоже не знаю сколько… может, тысяч двадцать, включая и старых и малых. Город один — Гаранд, да какой город — городок, тысяч пять жителей — разбежались многие. Там же и замок графа.

Да церковники большую власть взяли! Жгли налево-направо: и чернокнижников, и просто на чье имущество лапу наложить. А народ? Народ у нас набожный всегда был. Храмы в каждой деревне и часовенки в хуторах, а недавно и монастырь открыли, это уже епископ. Начинали костры в деревнях закладывать, но тут народ возроптал. Да нет, до бунтов не дошло — пожаловались в герцогство, и церковников поприжали.

Живут в целом хорошо, грех жаловаться. Землю арендуют у графа и еще налоги платят. А какие бы ни были — все равно большие! Церковь Спасителя. Нет, не являлся никакой «сын Божий», что ты! Я тебе лучше легенду из «священных свитков» перескажу, как помню:

И жили люди все лучше и лучше,
И маги великие были среди них.
И ленились люди все больше и больше,
И перестали молиться и жертвовать Богу,
И забыли законы его, и погрязли в грехах,
И возгордились маги, возомнив себя равными Богу,
И призывали в мир демонов, из чужих миров,
И сами ходили по мирам чужим,
И создавали чудовищ богомерзких.
И не стерпел Бог,
И наслал на землю и огонь, и потоп,
И изверглись вулканы, и низверглись горы,
И погибли все маги и многие люди.
И впали выжившие в дикость.
И напомнил Бог законы свои,
И впредь повелел соблюдать их

И сказал, что придет сам, как Спаситель,
И спасет души праведные,
А неправедные низвергнет демонам.
И спасенные будут жить вечно
И в блаженстве и в радости,
А у демонов гореть в пламени вечно, не умирая.

Вот примерно так. У нас все это в детстве учат. Сама-то? Даже не знаю… руины вон по всей земле лежат, и творится в них непонятно что, но и богатств и артефактов, какие нашим магам не снились, — полно, а что в те времена случилось — кто знает. Может, и Бог наказал, а может, и сами древние маги доигрались. Мы же только недавнюю историю знаем, а кристаллы с записями, что в руинах находят, расшифровать не могут. Только схемы с заклинаниями используют, и то не все. А не работают многие, или секрет какой неизвестен.

Демоны? Чернокнижники их призывают, те им силы дают, но, говорят, душу забирают. И маги с ними борются, и церковники молитвами изгоняют, Спаситель им тогда силу дает. А самих чернокнижников сжигают, а то живучие они. — И вдруг она внимательно посмотрела на меня. Что-то решила: — Нет, не вижу в тебе черноты, да и Рон тебя проверял.

Нечисть появляется, но сама не видела. В основном животные измененные, но бывает и не пойми что, и магией некоторые владеют. Это все рядом с руинами. Рон лучше расскажет, он же охотником был, в руины ходил вместе с мужем моим покойным. Ты не думай! Мы с Роном только недавно сошлись, а мужа я уже пять лет как потеряла. Детей Спаситель не дал. И у магов-лекарей была, бесполезно. Служители говорят, что в наказание мужу за руины, но я не верю: вон у других охотников и семьи, и дети, это Рон всю жизнь бобылем.

Он из благородных: младший сын бедного барона из дальнего баронства. Наследство ему не светило, и какая-то несчастная, романтическая история случилась, не говорит, паршивец, какая, — Агна любовно улыбнулась, — так вот, ушел из дома на службу в войско какого-то графа, дослужился до полусотника и ушел в наемники. Там, случалось, и сотней командовал, а потом в охотники пошел. Два года уже как остепенился и устроился у графа егерем. Из-за меня, конечно! Я же местная, а мы переписывались с ним после мужа… он мне тело его привез… тогда и познакомились. — Она отвела грустный взгляд в сторону. — У них, у охотников, закон такой — семьям помогать, вот он и высылал мне деньги. Ну и я в ответ письма писала. А под конец и приглашать стала. А что, графство тихое, егерь требовался, а так как граф не охотится, то работы, считай, и нет. Только зверям не давай расплодиться и следи, чтоб без графского разрешения лес не рубили и не браконьерничали, вот и вся служба. Только платит, скряга, мало, поэтому и не шел никто. А Рон взял и согласился, для его возраста служба. Ему уже за шестьдесят. Да, да, это выглядит он на сорок, да и здоровьишком Спаситель не обидел, — слегка смутилась Агна. — Ну все, хватит на сегодня.

Она встала, потянулась.

— Пойду травки Славке подберу, скоро прийти должна. Так что в доме сиди. Ужин принесу.

— Слушай, а книги у тебя есть? Желательно по истории или по магии.

— А ты разве маг? Ну конечно, маг Жизни, да?

Я пожал плечами, всем видом показывая, что вопрос к Рону. Она ехидно произнесла:

— Рыцарский роман устроит? Больше ничего нет.

Пришлось соглашаться и на это. Хотелось просто проверить, умею ли я читать. Помимо полезной информации, конечно.

Книга оказалась вполне привычного вида и открывалась в «правильную» сторону. Толстая. Переплет плотный, по виду из кожи. Без замочка. Потертая. Листы бумажные, толстые, желтоватые. Шрифт крупный, печать неровная, и буквы похожи на прописные. Страницы

не пронумерованы, но, судя по толщине книги, страниц на двести крупного шрифта. Книга называлась «Любовь и верность», автор Магдалус ор'Ромус. Дворянин, что ли? Не западло им, значит, если так. Как оказалось, читать мне было трудно: буквы все знаю, но слова и тем более словосочетания не залетают сразу, а приходится осмысливать с непривычки. Почти по слогам. Но ничего, дело тренировки. До ужина успел прочитать едва одну треть.

Дело происходило в империи Иверия за тысячу лет до падения Варгуса (уточнить, какой сейчас год), в этой самой столице. Тогда и страсти были сильнее, и любовь вернее, и подлецы подлее, и вообще все было возвышенней. Жил тогда благородный рыцарь Ролдус, и полюбил он благородную деву Изольну, но злодей-чернокнижник тоже на нее глаз положил. Создал ужасного дракона (я офонарел, когда понял это слово), и тот унес ее в черную башню. Рыцарь, естественно, кинулся спасать. Начал мочить врагов. Например, одного злого мага зарубил, защитившись амулетом. Я сделал зарубку на память.

И пока все, ужин подоспел.

Кормили уже давно по-человечески, без всяких бульончиков и отваров. Была каша типа гречневой с маслом, мясные нарезки и зелень. И вино! Ужинали вместе с хозяйкой.

Из красивой напевной речи хозяйки я понял, что на дворе стоит июнь две тысячи девятого от падения Варгуса. Была такая империя в незапамятные времена: «От моря до моря». И как водится, распалась и была завоевана кочевниками. Тогда же вошла в силу церковь Спасителя, а из бывшей империи образовалось много независимых карликовых государств с единым языком и религией. В виде небольшой страны на побережье Западного океана сохранилась и сама империя с тем же гордым названием Иверия и с той же столицей — Варгусом. Там, как я понял, периодически собирается «конклав» епископов для выбора Первого секретаря Собора Епископов и Совет Глав Государств для… не знала она для чего. Никаких «папских» полномочий у Первого секретаря не было, он больше финансами заведовал. Видимо.

А за высокими Северными горами находилось обширное царство Батвия, государство чернокнижников, где «души демонам продавали и людей резали налево-направо». Для магической «силы», как я уже понял. Как оно существует уже несколько тысяч лет с такими порядками, Агна не знала и не задумывалась над этим, а мне вот стало любопытно.

Больше всего меня, привыкшего к нашим описаниям Средневековья, поразила практически всеобщая грамотность населения. Оказалось, что при всех храмах Спасителя есть школы, куда в обязательном порядке ходят все дети. Объяснялось это просто: у любого человека лет в шестнадцать — двадцать мог открыться Дар. «И что, такого дылду учить читать и писать?» — не удержался я. Агна поразилась моему удивлению и спросила: «А у вас разве не так?» Здесь и газеты во многих городах выходили.

Дар мог быть разной силы, и возникал он далеко не у всех. Например, моя хозяйка была видящей, то есть обладала самым слабым Даром. Она видела ауры и формирующиеся заклятия, немного «чувствовала силу», но сама управлять стихиями не могла, поэтому и пошла в знахарки — знание аур растений, людей и животных очень помогали ей в этой профессии.

Дар, как понятно из контекста, местное название способности к магии.

— Все, хватит. Стемнело уже. Спокойной ночи, Егор.

— Спокойной ночи, Агна.

Как опухла моя бедная голова от обилия сведений! И вина давно не пил. Спать, только спать.

С утра, позавтракав, начал тренировку. Ходил, приседал, нагибался, растягивался. Попрыгал и поотжимался — еще тяжело, но все легче и легче. Это радовало. До чертиков

захотелось на улицу. Месяц взаперти! Плюнул на запреты: «Авось никто не увидит» — и вышел на крыльцо.

Свежий воздух просто опьянил! Стояла утренняя прохлада, роса только сошла. Хорошо-то как! Спустился на травку, до ужаса потянуло разуться, но стерпел. Двор небольшой, почти весь занят двумя строениями из некрашеных досок: летняя кухня, над трубой которой курился дымок, и сарай. Агна, наверное, где-то в них. А кругом лиственный смешанный лес черт его знает из каких деревьев. Кустов почти нет, зато «трава по пояс». Тихо шумит листва от свежего ветерка, и яркая, сочная зелень кругом.

Подумал: «Я люблю тебя, лес!», и он мне ответил. Легкое, почти незаметное шевеление крон, колыхание травы. Мне словно передалось вековое спокойствие и безразличное добродушие. На секунду ощутил себя частью целого, и сразу отпустило: «Вот и верь после этого лесу» — и в голос весело рассмеялся.

— Я люблю этот мир! Эй! Я даже не узнал, как тебя зовут! — прокричал от избытка чувств.

«Э-г-н-о-р», — прошелестела листва.

«Здравствуй, глюк!» Вот это накатило! Что значит месяц без свежего воздуха, надо нарикам знакомым рассказать, и упал на траву, раскинув руки. Хорошо, как в трансе. Даже лучше. Как будто я есть целый Мир, пусть даже на секунду. Непередаваемо!

— Ты что орешь! Зачем вышел! — подбежала разъяренная Агна.

— Как называется этот мир?

Ничто не портило настроение.

— Что?

— Как называется этот мир?

— Ты о чем?! — И ответила, уже успокоившись: — Да так и называется — Эгнор, что ты меня пугаешь?

Точно! Я же знал: по-иверски «мир, как земля и пространство, планета» звучит как Эгнор. То же, что по-русски Земля. Я успокоился и немножко расстроился.

— Не могу уже взаперти. Видишь, силы есть, заниматься надо на свежем воздухе.

— Послушай, — ласково обратилась ко мне Агна, — мы договаривались, что, пока ты у меня, из дома не выходишь. А потом Рон заберет тебя и увезет в такое замечательное место, где можно хоть сутками гулять! Пойдем домой, я вина дам. — И потянула за руку.

— Агна, все. Я уже выздоровел. Отпусти. — Я встал. — Может, пробегусь в лесу вокруг дома?

— Будь серьезней, что ты как маленький. Иди в дом. Мы все сильно рискуем. Я за вином.

Я потянулся со вздохом и изящно поклонился.

— Для вас все, что угодно, моя госпожа. — Развернулся и взбежал на крыльцо. — Прощай, свобода! — И зашел в дверь.

Агна смотрела мне вслед и улыбалась. Вдруг резко нахмурилась: «Не к добру такие перепады, как бы, не дай Спаситель, беды не вышло» — и пошла за вином.

Время приближалось к полудню. Я сидел и читал «Любовь и верность», попивая неплохое вино. Рыцарь с невероятными трудностями подбирался к башне чернокнижника, попутно мысленно сочиняя сонеты любимой. И тут услышал стук копыт нескольких лошадей. Встал, открыл погреб и подошел к окну во двор. Осторожно выглянул и замер, готовый в любой момент сорваться. И снова стал собранным, как тогда, дома, «потом разберусь», отогнал промелькнувшую мысль о навязчивости такого состояния. Агна вышла из летней кухни. Звук приближался. «Куда вышла!» — и со злостью вцепился в подоконник, чтоб не выбежать самому. Во двор влетел Рон с двумя оседланными лошадьми.

— Агна, Егор, собирайтесь. Все вопросы потом.

Спрыгнул и обнял Агну.

— Агнушка, слава Спасителю, ты не в лесу, пожалуйста, быстро переодевайся и бери самое необходимое. Возможно, мы сюда не вернемся. Ну что ты, родная, все будет хорошо! Только сейчас надо поспешить. — И поцеловал оторопевшую Агну. — Егор!

Я уже был на улице. Мне и брать было нечего. Джинсы, футболка, кроссовки, ремень. Кобуру с запасной обоймой Агна выбросила. Она уже очнулась и забежала в дом.

Действительно молча. Рон был одет по-военному: под курткой кольчуга, на перевязи слегка изогнутый узкий меч в простых ножнах, кинжал. К седлу был приторочен арбалет и какие-то вьюки. Навьючены были и две оставшиеся лошади. Рон хмуро посмотрел на меня и махнул рукой:

— У тебя же ничего нет.

— Я верхом не умею!

Он замер. Резко шагнул ко мне и чуть нагнулся, глядя прямо в глаза.

— Ничего, привяжу к седлу, — произнес раздельно, а я ужаснулся, увидев плотно сжатые губы и холодные неподвижные глаза. Явно злой и взведенный, как пружина. Таким я его еще не видел.

— Еду брать? — Агна была одета в такой же, как у Рона, костюм, набитая холщовая сумка через плечо и кинжал на поясе.

— Бери, только быстро. — И уже мне: — Садись на вороного, он спокойней, — и взял коня за уздечку.

Я, конечно, видел ковбойские фильмы. Взялся за луку седла одной рукой, потом представил, как буду садиться, и перехватился другой. Точно так же с ногами. Вставил нужную ногу в стремя и со второго раза забрался. И этот считается спокойным конем! Рон подтянул стремена по размеру и связал мне ноги длинной веревкой под животом коня. Потом что-то сделал с седлом, и передняя лука опустилась вперед.

— Ложись на гриву, обними коня за шею и держись крепче. Да отпусти поводья, они тебе не нужны.

Я послушно выполнил эти распоряжения.

«А ведь, пожалуй, не упаду… да что, в конце концов, случилось?! От кого бежим? И Агну тоже берем», — подумал, но промолчал, помня взгляд Рона.

Мы тронулись в путь. Сначала шагом, потом рысью и, наконец, легким галопом. Вскоре свернули на лесную дорогу и поехали медленней. А потом мне стало не до отслеживания пути. Бедная моя задница!

Глава 5

Ехали долго. То галопом, то рысью, иногда шагом. Самое противное рысью — я матерился сквозь зубы и боялся разжать руки. Наконец запахло рекой, и через несколько минут мы вошли в воду и пустили коней шагом. Я осмелился и выпрямился и чуть не взвыл! Пришлось тут же поднялся на стременах — немного полегчало, но нужно было держать равновесие — не расслабишься толком. Так и ехал дальше: поднимаясь и опускаясь на стременах. Руками вцепился в гриву. Повод за длинный ремень был привязан к седлу Рона. Лошади тяжело дышали и норовили попить воды. Всадники их сдерживали. Ехали вдоль берега по мелководью вниз по течению. Река была спокойной и неширокой. Другой берег, правый, был крутой и заросший кустарником. Встречались песчаные обрывы.

— Рон! Если ты не объяснишь, что случилось, я не знаю, что с тобой сделаю! И не дай Спаситель, причина будет несерьезной! Из-за чего я должна бросать дом и менять свою жизнь?

— Из-за него. — Рон кивнул в мою сторону. Хоть это и так было ясно, но я вздрогнул от неожиданности и внутренне напрягся. — А если конкретно: я убил помощников Спасителя.

— Что?

— Сегодня утром ко мне прискакали три помощника, все в боевом облачении. Старший — главный пес епископа. Двое вошли, один остался у лошадей. Спросили, зачем мне понадобился лингвор. Я не нашелся что ответить и сказал, что они, видимо, ошиблись или их ввели в заблуждение. Старший объяснил, что мальчишка, сын почтенного купца Матвуса, на занятиях в храме похвастался перед приятелями, что держал в руках настоящий древний амулет. Служитель-преподаватель заинтересовался и оставил его после уроков. Тот служитель оказался помощником, они часто работают под видом обычных служителей или вообще нецерковников, и он выяснил, что мальчишка передавал мне по заданию отца амулет и что это лингвор. Уж очень характерно выглядит. Допросили Матвуса — тот подтвердил, это же не криминал. Я, конечно, просил сохранить все в тайне, но не осуждаю: если допрашивают помощники, это серьезно. Пусть даже без пыток. Что же он сам лингвор не привез, — с досады Рон стукнул кулаком по бедру, — эх, вечно у него дела!

Так вот. Старший опять у меня спрашивает, но теперь уже — где чернокнижник. Я испугался. Помнишь, я говорил, почему не сдал тебя графу? — обратился прямо ко мне и, не дождавшись ответа, продолжил: — Был у меня друг, тоже охотник. Разбогател, остепенился и зажил с семьей в Гаранде. Хороший особнячок купил рядом с графским замком. А тут епископ в силу вошел. Стал приглашать помощников со всех земель, а они отнюдь не аскеты, вот и решили под свою резиденцию этот особняк забрать. Родни влиятельной у друга не было, поэтому его просто объявили чернокнижником и сожгли вместе с женой, а детей — по монастырям. Я стоял в толпе на площади и смотрел, как их сжигали. Выл от бессилия! — Он сжал руками луку седла, аж пальцы побелели. — Если бы не Агна, натворил бы глупостей.

Агна грустно вздохнула и покачала головой. Рон замолчал на минуту, успокаиваясь.

— Испугался и молчу. И чувствую, как злость во мне закипает. А тот, видимо, любил людей пугать и страхом их наслаждаться, продолжил: «А знаешь, что положено за укрывательство чернокнижника?», медленно так произносит, мне в лицо смотрит и улыбается. И видимо, злость мою узрел. Отскакивает и кричит второму: «Вяжи!» Тут я почувствовал, как сила колыхнулась. А дальше уже не думал, заметил только, что второй в меня «сеть» из «деревяшки» кинул. Откатился в сторону, метнул второму кинжал в шею, старшего мечом второго зарубил. С третьим пришлось повозиться. И зачем он в дом забежал? Ну и дисциплина у них, совсем распустились. Его задача была ноги унести, если что не так, и доложить

кому положено. Да, и «главный пес» поторопился, не узнал про меня ничего и поехал всего с двумя воинами и без мага. Амулетов даже не захватили.

Агна слушала молча и все больше и больше хмурилась.

— Эх, Рон, Рон. Что же ты наделал! Куда нам теперь? Помощники уже по всем соседям сообщили про тебя и про Егора!

— И про тебя, Агна. Слишком многие про нас знали. А если были у тебя с обыском, то наверняка поняли, что Егор у тебя скрывался. Наверняка помощники будут охотиться на нас троих.

Я был раздавлен. Из-за меня жизни Агны и Рона поломались, их рано или поздно ждет костер. Никуда не приткнуться, вечно в бегах. Быстрая связь, как я понял, здесь была, а церковь — межгосударственная. Может, сдаться местным магам? Пусть изучают, а самому выторговать у них защиту для Рона с Агной? Вполне здравая мысль, не вечно же мне у них камнем на шее болтаться. А смогут ли вообще маги защитить от церкви? И примут ли они какие-то условия от меня? Мне бы добыть что-нибудь для торговли с магами. Ничего я еще не знаю! А как неудобно перед Агной и Роном! Нянькаются со мной, и ведь не бросят.

Мое самоедство прервал возглас Агны:

— Так кони церковные, что ли?

— Дошло? — улыбнулся, наконец, Рон. — Не переживай, меток нет, я проверил. Нам скоро на ту сторону. — И показал рукой на удобный спуск к воде на правом берегу. Метров через двести.

Мне развязали ноги. Переправились без проблем и доехали до ближайшего лесочка на правом берегу. Если в графстве в основном были леса, то здесь уже лесостепи, а далеко на горизонте, в туманной дымке виднелись горы. На севере.

Привал! Я с удовольствием размялся и упал на траву. Ныло все тело. Особенно ноги и то, что пониже. Там же все и горело. Спина мокрая от пота, и, по-моему, напекло голову: голова слегка болела и кружилась. Агна смочила мне ее водой, стало полегче. Перекусили пирогами с грибами и запили водой. Отдыхаем. И мы, и кони — им ослабили подпруги.

— Чего такой смурной, Егор? — спросила Агна.

Я открыл глаза.

— А что, есть повод радоваться? Бежим вон куда-то…

— Да не переживай, Рон что-нибудь придумает. Я вот уже успокоилась… почти.

— Вот именно, что Рон! — Я рывком сел, не обращая внимания на боль. — Ро-он! — протянул с сарказмом. — У вас вся жизнь из-за меня наперекосяк, а я должен быть спокойным? И «Рон что-нибудь придумает», — передразнил Агну, — а я что, без головы? Или совсем маленький? Вы тут нянчитесь со мной, кормите-поите, постельку мягкую стелете, убиваете из-за меня, бежите из родных мест неизвестно куда, и я должен быть спокойным? Вы от каждого человека шарахаться станете! А я… спокойненько следовать за вами и прятаться за дядю Рона. Да я же просто свалился вам на голову и все поломал! — Выплеснул эмоции и упал обратно в траву. — Не надо было меня подбирать. Так было бы лучше для всех. — И закрыл глаза. До чего муторно на душе! И высказал не все, и не совсем то, и неохота больше ничего говорить. И думать. И действовать.

— Высказался? — спокойно произнес Рон. Я промолчал. — А теперь послушай меня. Я прожил долгую жизнь и повидал всякого. Ходил в руины. Встречался с чернокнижниками, убивал их. И я умею думать. Вся наша жизнь после древних застыла на тысячи лет, и нет просвета. Страны грызутся друг с другом, и знаешь из-за чего? Конечно, за власть и территории, но главное — за места силы. Нашим миром по большому счету правят маги, и это не плохо и не хорошо, это так есть. Есть еще чернокнижники. Они тоже маги, но используют не силу стихий, а силу человеческих душ и заемную от демонов. Что это за демонская сила, я не знаю, не встречался, но старые охотники встречались и рассказывали: люди падают бес-

памятные, а потом встают и идут убивать собратьев, и волны ужаса вокруг. Защиты почти не действуют.

Это у нас чернокнижников преследуют все кому не лень, и то их не становится меньше, а даже наоборот. А по ту сторону гор, — он махнул рукой на север, — не верят в Спасителя, и чернокнижники там процветают. А почему? Да потому, что они практикуют человеческие жертвоприношения и получают силу, и силу огромную. Пока наши стороны в равновесии, но скоро, боюсь, они пойдут сюда. Их силы ограничены только жертвами.

С демонами непонятно. Похоже, они пробивают порталы в наш мир, но только с нашей помощью, вернее, чернокнижников-демонологов, и делятся с ними силой. И им тоже нужны души. Возможно, демоны — наша главная опасность.

Рон попил из фляжки и продолжил:

— А кто идет в чернокнижники? Слабые маги, жаждущие силы, которым наплевать на других людей и которые не боятся продать свою душу. Таких много и у нас, а там, — Рон махнул рукой на север, — таких воспитывают.

К чему это я все? Однажды пробивается к нам портал из другого мира без всякого нашего участия. И появляется человек. Чужой, даже с соответствующим именем, — Рон усмехнулся, — но человек. По ауре — не маг, но со способностями мага Жизни и другими странностями. И меня вдруг поднимает что-то ни свет ни заря, и я еду спасать чужака. Заметь, я не люблю рано вставать, и особенно мне не хотелось помогать ищейкам графа, и я собирался даже задержаться. Почему же случилось так, а не иначе?

Рон встал.

— Я не верю в Спасителя, каким его объявляют церковники, но я верю в Бога Нашего Мира, чье имя забыто. И я верю, что ты пришел по Его воле, пускай ты сам этого не осознаешь, а значит, у НАС есть задача! Какая — узнаем в свое время.

Он сел.

— А помощникам я отомстил и душу отвел. И не жалею. Прости меня, Агна, я не ожидал, что все так случится. Ни в коем случае не хотел вмешивать тебя и подвергать опасности, но случилось то, что случилось. Это провидение, никто не виноват. И еще знай: я люблю тебя. — И после этих слов замолчал, как отрезал.

Мы все сидели и молчали. Каждый о своем. Лично я был просто ошарашен речью Рона. Никаких мыслей не было. Молчание прервала Агна. Тихо произнесла:

— Спасибо тебе, Рон. Я тоже ни о чем не жалею, — и уже громче, посмотрев на солнце: — Через три часа закат, где будем ночевать?

— Отъедем подальше от реки, во-он в тот перелесок. И поближе к дороге будет.

— А зачем нам дорога, разве не надо, наоборот, по лесам прятаться? — безразлично спросил я у Рона, подходя к коню и находясь еще под впечатлением сказанного.

— По дороге ехать быстрее, и лошади целее будут, а движение здесь небольшое, можем даже никого не встретить. Сейчас не осень. И страна уже другая — герцогство Бармат. Даже если местные помощники и получили разыскную на нас, то торопиться не будут: графских помощников Спасителя не любят и всю бюрократию запустят медленно. Искать, конечно, будут, но вяло. Так что проедем спокойно.

— И куда?

— Есть одно место в предгорьях, и мы с тобой пересидим там какое-то время, пока Агна не съездит кое-куда. — Все это время он подтягивал мне седло. — Надеюсь, без привязи доедешь? — И засмеялся. — До соседнего лесочка, не переживай.

Доехал я практически стоя в стременах. Разбили лагерь, Агна приготовила горячую похлебку из вяленого мяса. И стемнело. Спать готовились в накидках помощников.

— А что, дежурить не будем? — спросил я.

— Я раскину сторожку, — ответил Рон.

И я снова с восхищением смотрел, как создается заклинание: вокруг его рук закрутилось оранжевое облако и постепенно из него сформировалось кружевное плетение. Оно как бы вращалось вокруг сомкнутых рук и вдруг резко засветилось, тоже оранжевым, и Рон раскинул руки. Между ними из клубка развернулась сеть, поднялась и, расширяясь все больше, накрыла пространство метров двести в диаметре и, опустившись, почти погасла. Только зная, что она есть, можно было ее заметить. Все это произошло очень быстро, меньше чем за минуту.

— Ух ты! — восхищенно воскликнул я.

— Заметил? — удивился Рон. И я кивнул. — Пошли спать.

С рассветом встали, позавтракали чем бог послал, а бог послал: местный аналог чая — цурка (вкусный) с медом и сухарями, и начали меня переодевать. Рон, оказывается, собрал наиболее необходимые вещи от помощников, не только универсальные накидки — плащ-палатки. Кроссовки заменили на вполне подошедшие по размеру кожаные сапоги. Джинсы оставили, за неимением других штанов. Раздевать мертвецов Рон не стал, да и в крови они были. Поверх футболки надел на меня свою запасную рубаху навыпуск и перепоясал трофейным поясом с кинжалом и кучей всякой мелочовки в мешочках. Перевязь с узким мечом — стандартным воинским, сверху накидка и шляпа — серого цвета с небольшими полями из материала, похожего на фетр. Тоже вроде как обычная, универсальная. Зачем-то один из помощников возил ее с собой. И я готов. Вполне местный житель. Молодой, бедный, благородный, короче, д'Артаньян. Только лошадь не зеленая. А благородный, потому что десять классов на роже написаны, ну, примерно так мне Агна объяснила и подровняла немного бородку, которую успел отрастить. «Я же ни разу не смотрелся здесь в зеркало!» — подумалось само собой. И волосы длинные выросли.

Рон тоже «замаскировался», накинув на себя накидку, и стал учить меня ездить на лошади, вернее, объяснил основы и показал на примере. Я раза с третьего повторил все точно. Кстати, седалище за ночь зажило. Собрались и поехали.

Освоение теории не заменяет практики. Это я подтвердил собственным задом, пока ехали, но все-таки ехал сам! Хорошо, конь у меня смирный, хоть и гордой вороной масти. Через час выехали на дорогу и взяли курс на север легкой рысью. Я терпел и падать не собирался.

Никого не встретив, в полдень возле небольшой речки устроили привал. Пока Агна собирала перекусить, Рон начал учить меня фехтованию. Кхм, пока просто быстро выхватывать меч, ни в чем не путаясь. Оказалось, довольно сложно. Но вроде освоил. Я вообще быстро учусь в этом мире. Перекусив, прилегли отдохнуть в тени деревьев.

— Рон, а если просто сдать меня магам в обмен на вашу защиту от церковников? Пусть изучают. Докопаются до чего-нибудь и покажут чернокнижникам с демонами где раки зимуют! А?

Рон задумался, собираясь с ответом, Агна, со снисходительным выражением лица, мол, что взять с больного, качала головой.

— Видишь ли, ты не знаешь наших магов. Большинство из них, которые около власти, надутые индюки, упивающиеся собственной силой, и им наплевать на остальной мир, пока их самих не коснется. Другая часть — одержимые ученые, и им тоже наплевать на окружающее, но уже с другой стороны, и власти у них, естественно, нет. Есть умные политики, не князья, конечно, — церковь запрещает магу быть правителем, а советники, министры и т. д., — они бы да, с удовольствием заполучили бы тебя, но в основном чтоб другим не достался. В принципе их устраивает нынешнее положение дел. И заметь, ни при каких ситуациях лично тебе хорошо не будет. И нам тоже, успокойся! Конечно, я не один такой понимающий, есть и другие, — добавил он, немного приподнявшись, — в том числе и классические маги из академий, но власти у нас, к сожалению, а может, и к счастью — кто знает, нет. В любом

случае с собой тебе разбираться нужно только самому. Я и другие маги тебе в этом поможем. Подожди немного.

Солнце катилось к закату. Мы не спеша продвигались по небольшому лесочку. Внезапно Рон остановился и поднял руку. «Стойте, приготовьте оружие», — прошептал он и стал заряжать арбалет. Я вытащил меч, Агна кинжал. Командир тронул коня и жестом велел следовать за ним. Я второй, Агна, соответственно, замыкающая. Над головой Рона возникла разворачивающаяся сеть, похожая на сторожевую, и разлетелась в глубь леса. «Черт, надо научиться всегда аурным зрением смотреть», — подумал я. Вокруг Рона большая, насыщенная аура. Она странно подергивалась и кое-где переливалась оранжевыми пятнами. Аура Агны поменьше и тоже странно подергивалась. Лес сверкал всеми оттенками ярко-синего цвета. На меня пахнуло спокойной и, пожалуй, солидной доброжелательностью. Как будто рассматривает добрый великан. «И тебе здравствуй! А что Рон так забеспокоился, не подскажешь?» Лес, разумеется, молчал. Вдруг слева полыхуло голубым, и судорога прошла по лесу, а меня окатило болью. Поперек дороги слева упало ветвистое дерево. Еще одна голубая вспышка — и мощный порыв ветра завалил нас на дорогу.

Я падал медленно и, уже привычно, стал предельно собранным и спокойным. Вытащил ноги из стремян, спрыгнул, перекатом погасил инерцию и увидел, что Агна падает медленно вместе с конем, пытаясь вытащить ноги из стремени. Я бросился к ней, продираясь сквозь неожиданно ставшим плотным воздух. Мелькнула мысль: «Придавит!» Схватил под мышки и потянул… Успел — конь упал в сантиметрах от ног Агны. Огляделся. К нам с двух сторон бежали люди, вооруженные кто чем: топорами, косами, насаженными вдоль древка, и два человека с мечами. Бежали медленно, и было их по шесть с каждой стороны. Рон стоял в центре дороги (и как он там оказался?).

От его руки отделился огненный шар и полетел в лес. Я глянул в направлении полета и увидел в лесу спрятавшегося за кустами человека. Шар, не долетая до него полметра, растекся по ставшей заметной голубой оболочке, но следом арбалетный болт, прорвав оболочку, вошел по самое оперение прямо в глаз разбойника. И все это меньше чем за секунду реального времени! Я отстраненно осознал это, а Рон уже бежал к нам с мечом в руке. Я поглядел на свои руки — меч где-то потерял, а сам стою возле Агны и жду, когда люди подбегут к нам. Первым подбежал высокий жилистый мужик с дикими глазами и разинутым ртом — видимо, что-то кричал и замахивался на меня длинным двуручным мечом. Я резко сместился в сторону и ударил его ребром ладони по запястьям, а другой рукой подтолкнул в спину. Крутанулся по инерции и едва увернулся от топора, опускающегося рядом со мной. Машинально оттолкнул топор дальше по ходу движения, и тот глубоко воткнулся в землю. Лицо у нападавшего было бледное и злое, в глазах — страх. «Да он боится!» — пронеслось в черепушке, и я пнул его в голень. Он начал заваливаться на землю, а я взвыл от боли! Отбил пальцы на ноге. И тут же резко развернулся, чувствуя опасность: Агна с кинжалом была почти беззащитна перед копьем из косы, которым пытался проткнуть ее еще один разбойник! Я прыгнул ласточкой, стремясь руками отвести копье в сторону, и успел это сделать. Упал плашмя, вытянув руки с зажатым в кулаках древком. Из меня выбило дух, но я поднялся, шатаясь, и тут вернулись звуки. Они звонко хлопнули по ушам.

Рон стоял рядом и ловко рубился: два быстрых удара, и два противника падают. Один с рассеченным горлом, второй с разрубленной вертикально грудью. Остальные побежали. Я бросил копье и опустился на землю.

Меня трясло. Болели грудь и нога, на лбу выступила холодная испарина, я тяжело и часто дышал. И внезапно пробрал смех. Я хохотал во все горло, пока Рон не надавал мне пощечин.

«Вот это отходняк! Никогда столько адреналину не набирался за такое короткое время. Как это я так ускорился, что словно время замедлилось?» Мысленно я был все еще взвинчен, но постепенно успокаивался. Дома после парка такого не было. Как неожиданно все произошло! И быстро, слава богу, закончилось, и жив остался, и сам никого не убил — тогда бы не смеялся».

Рон связал двоих оставшихся в живых бандитов и оттаскивал их на обочину. Агна успокаивала ошалевших коней. Я зачем-то стал собирать оружие и сносить в одну кучу. Нашел в придорожной траве и свой меч. Подошел к убитому магу. Он был в кольчуге, и я стал раздевать его. Если бы мне раньше сказали, что я буду раздевать труп, — плюнул бы в морду. А сейчас ничего, раздеваю. А что, крови почти нет. Только возле глаза. Неприятно, конечно. Нашел у него амулет: камень в оправе и на цепочке. Висел на шее, я его сразу себе в карман положил, решив потом разобраться. Забрал кошелек и кинжал. Отнес все в общую кучу.

* * *

— Господин! Демоны попутали! Не убивайте только, клянусь, больше никогда! Да я все, что угодно, для вас сделаю! — верещал невысокий, упитанный бандит. — Это все Гримис, маг проклятый.

А длинный мечник хмуро молчал и глядел на Рона с обреченной ненавистью.

— Кто надоумил на нас напасть? И зачем?

— Мы никого не убивали, господин, только грабили. А тут прибился к нам недавно маг, чтоб его демоны побрали, и убедил атамана, что можно еще и людей в плен брать и продавать язычникам. У него, мол, связи есть. Я против был, клянусь, но разве атаману слово поперек скажешь? Вмиг порешит! Вот и затаились здесь в засаде. А куда мне было деваться, добрый господин?

— А ты что скажешь? — Рон обратился к длинному.

— Хочешь убить — убивай, я каяться и умолять не собираюсь.

— Почему не стреляли? — Это опять к толстому «дровосеку».

— Так я же говорю, живые нужны были магу, на продажу. Он специально велел луки и арбалеты в лагере оставить. Говорил, с крестьянами и одиночками и так справимся. Мы раньше на другой дороге работали, торговой, а тут и делать в это время нечего, только крестьяне изредка по ней ездят, а какой с них навар? Простите уж меня, господин!

— И многих уже продать успели?

— Никого, клянусь! Впервые мы здесь, и засада эта первая. Как я благодарен, что Спаситель вас послал, от мага проклятого землю избавили! Теперь я честной жизнью зажить смогу, только не убивайте! В деревню вернусь, молиться за вас буду.

Связанный сосед презрительно посмотрел на толстяка и криво усмехался.

Рон повернулся ко мне:

— Твои пленники, ты и разбирайся, что с ними делать. Я бы их убил, заслужили.

— С чего это они мои? — удивился я.

— Был бой. Враг бежал, поле боя осталось за нами. Бились не в строю, а отдельными боевыми единицами. После схватки лично с тобой остались двое живых противников, по закону они твои, и ты волен распорядиться ими по своему усмотрению: хочешь — затребуй выкуп, хочешь — отпусти или убей. Я советую убить. Они же опять за старое примутся.

— Нет! Можно еще сдать нас властям! — отчаянно прокричал толстый. — На каторгу пойдем, молодой господин.

Рон ухмыльнулся:

— Можно и так. Тебе решать, — и с этими словами отошел, оставив наедине с пленными.

Я был в отчаянии. Что делать? Убить безоружных? Ладно защищаясь, но просто так, хладнокровно казнить? Может, действительно отвезти их в ближайшее селение? С этой мыслью подошел к Рону. Он ответил:

— И как ты себе это представляешь? До ближайшего трактира километров двадцать, у нас три коня. Думай. Пешком гнать — до ночи не успеем. Ночевать с ними в поле? А потом опять пешком?

— А может, ты их сам…

— А ты что? Я, между прочим, тоже не палач.

— Да не могу я! — почти закричал в отчаянии. — И не умею мечом махать, — привел последний довод.

— А кто же разбойников безродных мечом казнит, — засмеялся Рон, — их вешают! Веревка у нас есть, можно пожертвовать на такое дело.

— Молодой господин, — прервал нас толстый, — я клянусь вам, что ни за что и никогда не выйду больше на дорогу! Спасителем клянусь! Отпустите, пожалуйста. Деревенский я, разорившийся крестьянин, от нужды в лиходеи подался. Вернусь в деревню — в батраки пойду, но ни в жизнь больше на дорогу не выйду! Не верите? В монастырь уйду, буду грехи замаливать, Спасителем клянусь! — Он на коленях подползал ко мне. — Это Рухис, мечник — безбожник, ему человека убить, что муху прихлопнуть. Он наемником был. За мародерство из отряда выгнали, тогда еще чуть не повесили, вот он виселицу заслужил. А на мне крови нет, молодой господин! Отпустите меня, а?

— Заткнись! — Я лихорадочно думал. — Оставим их здесь, Рон, привяжем к деревьям рядом с дорогой и таблички на них — разбойники. Кто-нибудь проедет мимо, увидит и сам решит, что с ними делать. Как тебе?

— Дело твое. Мне все равно. — Но было заметно, как он вздохнул с облегчением.

Так и сделали. Я лично сделал две таблички из бересты и сам вырезал на них и промазал грязью: «Пни меня» — и крепко привязал их к пленникам. Отошел — со стороны видно хорошо, но сами надписи не видят.

— Егор, долго тебя ждать, уже темнеть скоро начнет, — раздался голос Агны. Они сидели на лошадях, кучка трофеев исчезла, а узлов явно прибавилось. — Нам еще до ближайшего трактира скакать придется.

— Уже иду!

Я побежал к своему коню. Сев на лошадь, все же обернулся: двое бандитов привязаны к деревьям с большими табличками на груди у каждого. Высокий что-то говорил низкому, отчего тот весь сжался. Надписи были видны хорошо, по крайней мере до первого дождя.

Скакали без остановки, пока, в уже сгустившихся сумерках, не добрались до трактира. Я с непривычки устал не меньше лошадей, которые были в мыле, но удержался в седле и был тем доволен. Долго колотили в дверь, пока не появился хозяин. После недолгих препирательств он нас пустил.

— Ужина нет, коней сами в конюшню пристраивайте. Комнаты наверху. Вам сколько?

— Две, одна с двуспальной кроватью, — ответил Рон.

— Устраивайте лошадей, и я провожу вас в комнаты. — С этими словами хозяин сел на ближайшую скамью и зевнул. — Конюшня во дворе, овес, вода и сено там же, найдете. Фонарь подайте, — обратился ко мне и показал рукой на «летучую мышь», стоящую на полочке рядом со мной. Поджег от горящей свечи и отдал зажженную лампу мне. — Побыстрее, пожалуйста, господа.

Свою комнату я не разглядывал. Помылся, разделся, с удовольствием лег на чистое белье, задул свечу и уснул. С рассветом осмотрелся. Комната небольшая, платяной шкаф, стол со стулом у окна, умывальник с зеркалом в углу. Удобства во дворе. Зеркало! Узнал себя

с трудом: длинноволосый кареглазый брюнет с небольшой бородкой, требующей другую форму, на мой вкус. А лучше бы совсем сбрить, но не поймут. Челку мне Агна подстригла, но красивее было бы с кожаным ободком, пообещал себе приобрести. Успел умыться и сделать зарядку, когда раздался стук в дверь. Открыл. Мальчишка лет десяти сказал про завтрак внизу и убежал. Спустился сначала во двор и посетил удобства и только потом зашел в «трапезную».

Несколько столов с лавками, стойка, похожая на барную, за ней хозяин. За ним стеллаж с запыленными бутылками и кувшинами и дверь.

— Занимайте любой стол, ваших спутников позвали. — Он пристально меня разглядывал, явно оценивая платежеспособность и положение в обществе. На всякий случай выкал, но без подобострастия. — Что подавать?

— А что есть? — замешкался я, занимая угловой стол.

— Каша ячневая, масло, молоко. Можно яичницу с беконом пожарить. Горф (аналог кофе). Пива нет: посетителей мало, не сезон — скисает. Может, вина?

— Мне яичницу и горф. Спутники сами закажут.

— Матфа, яичницу с беконом на одного пока, — крикнул хозяин, — и горфа принеси!

Через минуту хлопнула дверь за стойкой, и оттуда вышла дородная девица, неся кружку с парящимся ароматным напитком, действительно напоминающим кофе. Из хлопнувших кухонных дверей вкусно пахнуло свежей выпечкой.

— А что за выпечка у вас? — поинтересовался у девушки.

— Булочки, — ответила и смутилась.

— Принеси одну, красавица, и масло.

Она еще больше смутилась, кивнула и пошла обратно на кухню. Хозяин сочувственно посмотрел на нее и покачал головой:

— Замуж ей пора, господин.

— Простите, это ваша дочь?

— Она, моя кровиночка. — Он подобрел и преисполнился нежностью и тут же строго: — Прынца ей подавай на белом коне. Всех женихов спроваживает, дура, — и сплюнул в сердцах.

Я удивленно поднял брови и проглотил вертящиеся на языке слова утешения, что, мол, похудеть сложно и т. д. «Однако вкусы, — но вспомнил вполне стройную Агну, — наверное, не везде, надо будет уточнить… а надо ли?» От размышлений меня оторвали пришедшие друзья и вкусный завтрак.

— Спасибо тебе, Егор, — медленно попивая горф, сказал Рон.

— За что? — Я искренне удивился.

— За Агну. Если бы не ты…

— Да что ты! И не выдумывай! Какая благодарность между друзьями?

— Все равно, — покачал головой, — и на будущее: никогда не оставляй за спиной живых врагов. В этот раз тебе повезло.

— А правда, что есть такой закон насчет пленных?

Рон засмеялся:

— В регулярной армии, конечно, нет, а у наемников — правда. И то если не по контракту с армией, а на криминал вообще законы войны не распространяются. Поймал с поличным — сдай властям, если нет возможности — делай что совесть подскажет, и никто не осудит.

— То есть и вора можно казнить?

— Да, если совесть позволит и если потом на суде не выяснится, что ты вполне мог сдать вора страже. Отговорки на собственные интересы, например, торопишься, судом обычно не принимаются, но тут уже все зависит от твоего влияния, сам понимаешь: что доз-

волено королю, не дозволено шуту. Тут, правда, уточняют — если шут не королевский, — он подмигнул, — или если ты маг с влиянием, тоже побоятся связываться. Но по насильникам и грабителям, если ты потерпевший и убил их, дела даже не рассматриваются. Так что не переживай за нас.

— Я и не переживаю, я по тем пленным — правильно ли поступил?

— Вот! Еще раз запомни: не оставляй врагов за спиной! А в целом… неправильно, но по заповедям Спасителя. Я тоже не люблю убивать безоружных. — И после паузы: — А ты быстро двигался. Я даже не замечал почти ничего. Тебе бы умения, но ничего, я тобой займусь. И магией тоже загружу, раз видел мои заклинания.

— Да, но не все. Очень интересно!

— Займемся. Вот приедем на полигон… Хозяин! Сколько с нас?

— За комнаты, коней и завтрак две серебрушки и пять медяков, — ответил с непроницаемым лицом быстро подошедший хозяин.

— Однако! Побойся Спасителя! Не сезон, если б не мы, вообще бы никого не было! Серебрушка и пяток.

— А белье стирать, а продукты? По миру пустите, господа… две серебрушки и не меньше! Имперских, вестимо.

— Это понятно! А вот есть у меня встречное предложение… оружие у нас купить. Пойдем-ка отойдем. — С этими словами Рон поднялся и, приобняв скорчившего брезгливо-недовольную мину хозяина, отошел с ним к стойке. Начали тихо шептаться и жестикулировать. Лицо хозяина менялось с недовольного на напряженно думающее. Рон продолжал его убеждать.

— Продуктами возьмем, — прервала молчание Агна, — деньгами бесполезно, не даст, а нам от лишней тяжести надо избавиться, — и с грустью добавила: — Продукты легче будут, а вам жить вдали от людей примерно месяц. Пойдем вещи соберем да в конюшню. Надеюсь, утром коней они накормили. Рон кого угодно уболтает, не волнуйся, подождем его во дворе.

Я не стал переспрашивать, уже поняв нежелание уточнять. Сами расскажут. «Друзья, тоже мне!» Стало глупо, по-детски обидно.

Выехали с постоялого двора с четвертой лошадью, вернее, мерином, загруженным продуктами. Рон выглядел недовольным.

— Ты чего недоволен? — спросила Агна.

— Три серебрушки пришлось за мерина заплатить, а вывозить надо.

— Так радуйся, это же дешево!

— Думал за три дня успеть, а проедем четыре минимум. Только к вечеру выйдем на тракт.

Так и ехали не торопясь: днем отдыхали в поле или роще, Агна готовила нехитрую еду, обедали и после короткого отдыха Рон гонял меня с час, учил правильно двигаться с оружием и без. Потом ехали дальше. Ночевали в придорожных тавернах — трактирах — постоялых дворах, которых попадалось много, едва мы выехали на большую дорогу Бармиус — Шелмиус[2], в чем разница между этими ночлежками с общепитом в придачу, так и не понял. По дороге, по мере приближения к столице графства, все чаще встречались крестьяне с повозками и телегами и вельможи — кто верхом, кто в карете с охраной или без. Были и купеческие обозы — все с охраной. Я успел за эти четыре дня загореть и практически ничем не отличался от местного жителя. В кольчуге убитого Роном мага: она оказалась мне впору, и Рон заставил постоянно ее носить, привыкать, с армейским пехотным мечом, в узкополой серой шляпе, в армейской накидке — я был похож на наемника в отпуске или авантюриста. Даже джинсы не сильно выделялись среди местных походных штанов.

[2] Столицы герцогства Бармат и крупного графства Шелтон.

Не доезжая полдня до столицы, переночевали в постоялом дворе и на рассвете выехали. Свернули с тракта на давно не езженную дорогу по направлению к Северным горам. Предгорья начались еще два дня назад. Вдоль дороги холмы, все чаще и чаще, потом, после сворачивания с тракта и одинокие скалы. На севере виднелись уже кажущиеся такими близкими белые горы с вершинами в облаках.

Погода стояла пасмурная, хорошо без дождя. Вечером перевалили невысокий кряж и встали на ночь.

— Завтра днем должны быть на месте, — неуверенно произнес Рон и пояснил: — Я здесь ни разу не был. Мне про него знакомый охотник из этих мест рассказывал. Когда-то неподалеку были крупные необследованные руины, и, пока их зачищали, где-то неподалеку устроили учебный лагерь с полигоном для новых охотников. Потом руины удалось «зачистить», и охотники ушли.

— Когда это было?

— Не знаю, лет сто назад. У него это было вроде легенды, мол, вот как раньше учили, какие были дружные и «зачищать» могли полностью и все в этом роде. Но место точное указывал, с приметами.

— А сколько времени занимает полная «зачистка» руин?

— О! Это смотря каких. Охотники, как гильдия, хотя и неучтенная до сих пор — потому что сами охотники не хотят, существует почти тысячу лет, и занимаются они только руинами, и в основном на территории бывшей империи. «Зачистка»— это истребление тварей, защитников, снятие всех ловушек, изъятие всех артефактов, и в итоге остается чистое место силы. Потом на этом месте возникает обычно школа или академия магии. Ну, может, какой сильный маг, а то и архимаг захватит, охотникам это уже без разницы. Та страна, на чьей территории это место силы окажется, соответственно станет сильнее. Так вот, за эту тысячу лет удалось «зачистить» примерно половину руин в государствах, остались самые сложные, до сих пор исследуемые. Что там было у древних — неизвестно. Есть еще пустынные руины. К таким даже подобраться сложно. Что касается продолжительности «зачистки» — несколько лет. Поэтому и организовали лагерь.

— Ого, долго. А сейчас на месте тех руин что находится?

— Школа магии Земли в графстве Шелтон. — Рон вдруг вздохнул. — Тот лагерь, наверное, последним был. Больше крупные отряды не собирались. Так, таскаем амулеты потихоньку…

— Мальчики, давайте спать, успеете еще наговориться, пошли, Рон. Скоро мне уезжать.

Я тоже завернулся в накидку. От костра шло приятное тепло… и Агна недалеко, хоть и с Роном. И приснился мне эротический сон. Не буду говорить какой, но запомнился.

— Все высматриваем ориентир: две одинаковых скалы, похожие на конские головы, смотрящие в разные стороны, — распорядился Рон.

Уже перевалило за полдень, и, как назло, закрапал мелкий дождь. Видимость никакая, и мы ходили кругами. В конце концов разъехались в разные стороны. Я элементарно промок и замерз. Мой вороной был подавлен и тоже внимательно осматривал окрестности и недовольно ходил кругами.

Хотелось бросить все, соорудить шалаш, развести костер и просто согреться. Наконец послышался далекий голос Агны:

— Нашла коней! Сюда езжайте!

Вороной сразу сорвался в галоп по направлению голоса, без понуканий: «О, как скотина почувствовала! Там тепло и сухо, надеюсь», а конь не сомневался. В седле я сидел уже уверенно, по крайней мере, ни себе зад, ни лошади спину больше не набивал. С кольчугой

тоже слился. По утрам сам напяливал, без понуканий: без нее голым стал себя ощущать. Я прискакал первым.

— Где?

— Во-он! — Махнула рукой в сторону, откуда примчался.

Оглянулся — точно. А с моей стороны была боком, поэтому не видел. Подлетел Рон:

— Где? — и тоже посмотрел туда. — Поехали.

Груженого мерина он вел в поводу. Пришлось объезжать несколько каменных завалов, и только через час открылась картина: каменная долина под невысокой горой с двойной вершиной в виде конских голов, с близкого расстояния совсем на головы не похожих.

— Под горой должна быть пещера, вход за кустами. Пошли искать. Надеюсь, ничего не изменилось за столько лет.

И мы поехали. После непродолжительных поисков нашли вход в пещеру. Воодушевленно кинулись расчищать кусты, стараясь не шуметь, пока вход не стал шириной и высотой с всадника. Рон поднял руку и зашептал:

— Когда я войду внутрь, ты, Егор, стоишь на входе чуть в стороне, чтоб меня видел, а тебя из пещеры не видели. Агна, останешься у входа и прижмешься к скале. Когда махну рукой, Егор, осторожно пойдешь ко мне, оглядываясь по сторонам. Как я тебя учил. Агна, ждешь, пока не позову. Приготовить оружие. — И с этими словами зарядил арбалет. В другой руке над ладонью заполыхал яркий огонек и плавно поплыл вглубь. Опять новое плетение! Огонек освещал пещеру, Рон медленно шел за ним, выкинув поисковую сеть. Шириной «вес тибюль» был примерно метров пять, длиной немного больше. Слева вбиты ржавые железные кольца, явно коновязь.

Далее коридор сужался и поворачивал вправо. Огонек нырнул туда. Вдруг Рон встал и приставил арбалет к плечу, направил его в сторону прохода и, прижавшись боком к левой стене, замер. Из-за угла раздался топот лап с постукиванием когтей, и через мгновение на Рона вылетел огромный зверь.

Для меня время замедлилось: с арбалета срывается болт и летит в пасть медведя. Он успевает немного наклонить голову, и болт бьет его в лоб, срывает кусок шкуры и рикошетит в потолок. На лбу появляется рана, и зверь приседает на задние лапы, мотает головой, шире раскрыв пасть. Наверное, ревет. Рон тем временем уже с мечом в правой и кинжалом в левой руке и, бросив бесполезный арбалет, задом отступает к выходу. Над его головой крутится создаваемое плетение, но как медленно! Медведь опять рвется вперед, приближаясь к человеку. Слюни выбрасываются из пасти в такт прыжкам и медленно оседают на землю. Очередной прыжок, и зверь настигает Рона, но тот ловким плавным движением уходит с траектории и рубит переднюю лапу. Медведь заваливается на подрубленную ногу, а Рон отпрыгивает к противоположной стене. Заклинание развеивается, не успев сформироваться. Зверь поднимается и, спотыкаясь, приближается к моему единственному другу и поднимается на задние лапы.

Я не выдерживаю и бегу через плотный воздух к почти застывшему животному, взяв меч двумя руками, и собираюсь поразить его колющим ударом в грудь. Рон опережает: шагает к медведю и вбивает двумя руками свой слегка согнутый меч в левую сторону груди почти по гарду! Пытается выдернуть, но меч застревает — не предназначен этот клинок для таких ударов, это я уже знал. Отпускает рукоять и выворачивается из-под опускающейся туши. Прямо в мою сторону! И еще успевает воткнуть кинжал в спину падающего зверя во время вращения. Я с трудом останавливаюсь и отвожу меч в сторону. Тишина резко сменяется звуками, и рев зверя просто оглушает, но вскоре он переходит в булькающий хрип. Рон поворачивается ко мне:

— У тебя был приказ ждать моего сигнала?

— Нет, но… тебя же медведь чуть не задрал! — закричал я.

— Неужели ты думаешь, что меня, охотника в руинах, может задрать простой пещерный медведь? Вот если бы он на тебя бросился, тогда, конечно, тебе пришлось бы себя защищать, причем не давая зверю выбраться наружу. Там Агна. Ты помнишь?

Я опустил голову. Стало стыдно. Ведь все мозги вылетели, я готов был сквозь землю провалиться! Рон хлопнул меня по плечу:

— Не переживай, я и не такие глупости совершал по молодости. Агна, посмотри — лошади не отвязались? И заходи сюда.

— А если еще кто-нибудь здесь есть? — спросил я, практически успокоившись.

— Пещерный медведь никого не потерпит. Никого здесь больше нет.

До темноты разделывали тушу. Завели коней, которые с опаской фыркали на запах свежей крови, нашли колодец в глубине пещеры, напоили коней, обмылись и рухнули спать, разведя костер. Там оказалась прекрасная вытяжка. Спали на свежих ветках, прижавшись друг к другу и поближе к костру.

Наутро Агна погнала коней пастись, я начал прибираться, а Рон доскреб шкуру, вывесил на улице сушиться и, соорудив коптилку, стал коптить самые нежные куски мяса.

Помещение оказалось небольшим, примерно пять на пять метров, округлое, с большим очагом посредине, вентиляционным ходом куда-то наверх и колодцем с чистой водой, но мусору! Мама не горюй. Дальше шел еще ход в большое помещение с истлевшими нарами и тоже кучей хлама, но мы решили ограничиться первым. Чего только я не вытаскивал: и гнилые ветки с гнилыми же листьями, и кости съеденных медведем животных, и разный человеческий мусор в виде истлевших тряпок, и, конечно, элементарную грязь. Целый день мы были заняты хозяйственными вопросами. Агна нашла неподалеку луг с отличной травой и маленькой речкой, Рон закончил с медведем, а остатки и весь мусор сжег. Я вычистил малую пещеру, набрал дров и соорудил лежанки из веток. Наконец, все сели ужинать.

— Агна, запомни, ты теперь Ванга Ростумен, купеческая дочь, вдова Свена Ростумена, и направляешься в королевство Асмар из герцогства Ривалон навестить свою замужнюю дочь.

— Про Ривалон я даже не слышала.

— Это далеко на юге, на границе Южных гор. Кстати, ты, Егор, будешь Егором ор'Кравес из одноименного баронства по соседству с тем герцогством. Младший сын и решил поискать счастья в охотниках в наших северных уделах. Я буду охотником Громом, «забывшим» свое имя, есть такие до старости лет романтики, и твоим учителем.

— Ванга, — мы все усмехнулись, я по понятному вам поводу, — заедешь в Шелмиус и из банка пошлешь сообщение в королевство Асмар, город Грунд, это столица, в школу магии Света и Воды «Лучистая волна» Агнару Лунису. Сообщение такое: Лис будет ждать тебя каждые четверг[3] и воскресенье сентября в таверне «Все для путника», что в полудне от Шелмиуса по дороге на Бармиус.

— Ты, стало быть, Лис? А кто этот Агнар? — перебила Агна.

— Мой друг. Вместе и наемничали, и в охотники подались. Сейчас он в той школе должен быть, кем — не знаю. Два года назад общались в последний раз, и он говорил, что его дядя там проректор и обещал пристроить на теплое местечко. Не перебивай.

— А Лис? — продолжала она смеяться.

— Это мое прозвище у охотников. Будь серьезней. Так вот, дальше поедешь в герцогство Бармат в город Верный к купцу Гранду, там его все знают, и займешь от моего имени пятьсот золотых, он знает, что мне есть чем расплатиться. Даст. Может, помурыжит немного

[3] Луна Эгнора проходит те же фазы, что и на Земле, и тоже с семидневным циклом. Для удобства читателей дни недели приведены земные.

и даст сопровождающего, потому что повезешь наличные, соглашайся. Сама понимаешь, через банк лучше не пересылать. На всякий случай.

— Ого, а ты богатенький! Почему скрывал?

— Успокойся, Агна, скопил я немного, пока охотился. В банке лежит. Кто знал, что так получится?

— А в чем проблема-то? Сходишь и снимешь, — встрял я.

— Понимаешь, в банке проверяют корневую часть ауры, а ее подделать невозможно. Мой счет на имя Рона ор'Галара, а ты сам понимаешь, в каком мы положении. Конечно, Гонмусы, это банкирский род по всей империи, утверждают, что тайна абсолютная, но были случаи, когда людей находили именно через банки. Возможно, у меня паранойя, но не хочу так глупо подставляться.

— А сообщение как отправлять? — Я не сдавался.

— Эта услуга анонимная. Замучаешься всех проверять, да и конкуренты из магических гильдий тогда подсуетятся. Слушай дальше, Агна. С сопровождающим можешь приехать прямо сюда. И купи по дороге одежду и лук. Знаю, что не разбираешься, любой — Егора учить. Недели за две максимум должна обернуться. Если дольше, начну волноваться, а потом сам поеду искать, и с кем застану… смотри у меня. — Он шутливо погрозил кулаком.

— Ой-ой-ой, — Агна в ответ кокетливо покривлялась, — можно подумать, тебе не все равно.

Рон ласково потрепал ее по волосам:

— Пошли спать, завтра нам вставать рано. Я провожу тебя до тракта и сразу назад.

Они обнялись и пошли в пещеру. Я деликатно ушел ночевать в конюшню.

На самом рассвете Рон накладывал на меня отпугивающее хищников заклинание, пояснив, что поскачут быстро, а наездник из меня никакой, поэтому извиняй, оставайся здесь. Я не обиделся. В компенсацию он решил показать мне сложное заклинание. Я внимательно наблюдал и слушал объяснения.

— Идея простая: в ауру человека встраивается имитация ауры разъяренного пещерного медведя. Звери это хорошо чувствуют и стремятся убраться с его пути. Он самый свирепый хищник этих мест. Заклинание не требует большой силы, нужны только кропотливость и время, поэтому маги его не любят. Да им не особо оно и нужно. Я работаю только со стихией огня, но в принципе разницы нет. Смотри.

Рон вытянул руки в моем направлении. Вокруг них возникли легкие оранжевые облака, я уже выяснил, что оранжевый цвет вижу только я — для Рона они красные. Из них потянулись нити навстречу друг другу и начали скручиваться между собой. Уже толстая нить стала искривляться в пространстве, превращаясь в подобие иероглифа. Сформировавшись, иероглиф обретал объем и смещался в сторону. Вслед за ним формировался следующий знак и цеплялся за первый и так далее. Некоторые повторялись. Я насчитал двадцать их видов. В итоге перед руками висела сложная объемная структура, отдаленно напоминающая двойную спираль ДНК, сплетенная из кружев — иероглифы так хитро сцепились, что различить их между собой было довольно сложно. Я устал следить, по моим ощущениям прошло минимум полчаса, а с лица Рона стекали струйки пота. Наконец «спираль» полетела в мою сторону и «втянулась» в ауру, по-иному не скажешь, затем аура колыхнулась пару раз, и в ровном мягком свечении (для меня синем) появились рассыпанные оранжевые вкрапления. Я почувствовал лишь легкую щекотку по всему телу.

— Все. — Рон устало опустил руки.

Агна подбежала и вытерла пот с его лба.

— Сейчас кони заволнуются.

Словно в ответ на ее слова заржали и забеспокоились наши лошади.

— Ничего, скоро успокоятся рядом с людьми.

Я глянул на солнце — действительно, примерно полчаса прошло.

— Продержится примерно сутки.

— А почему оно развеивается? — спросил я.

— Нет подпитки силой, и аура вдобавок выталкивает все инородное.

— Ясно. И рассчитано на сутки, верно?

— Верно. Я выучил уже такое, суточное. Удобно тем, что не надо больше на него отвлекаться, а перед некоторыми руинами это плетение полезное.

Я вернусь завтра к полудню, мы действительно быстро поскачем. — Рон хлопнул меня по плечу. — Отдыхай пока, позже на это не будет времени, поверь мне.

Я обнял Агну. Неожиданно почувствовал ком в горле.

— Удачи. Я буду скучать. До скорой встречи.

— Я тоже, — обняла она меня в ответ, — да хранит тебя Спаситель.

Агна с Роном вскочили на коней и взяли с места в карьер.

Эти сутки я тупо отсыпался. Рон приехал, как и обещал, на следующий день в полдень.

Начались мои трудовые будни.

Глава 6

После завтрака мы выгоняли коней пастись и там же, на лугах, Рон гонял меня по боевой подготовке. Учил бою с мечом и кинжалом, просто с мечом, с кинжалом, голыми руками. Метать ножи и стрелять из арбалета. Вместо боевых использовали деревянные мечи и кинжалы, чуть тяжелее настоящих, с похожей балансировкой. Рон старательно выбирал для них дерево и тщательно вытачивал.

Мой стальной клинок по классификации был прямым армейским пехотным мечом для одиночного боя. Чуть массивнее шпаги и сужение начинается с дальней трети лезвия. А может, и не массивней, я судил по своему киношному представлению о шпаге. Обоюдоострый. В строю использовался более короткий и широкий его аналог. Качество среднее. По моим дилетантским знаниям не булат и не дамасская сталь, не было рисунка на клинке, но вполне даже нормальная, достаточно твердая. Кольчугу пробьет, а при удаче и пластинчатый доспех. В технике фехтования этим клинком используются и колющие, и рубящие удары с избеганием прямой блокировки оружия противника — может сломаться.

Меч Рона, тоже обоюдоострый, напоминал японскую катану с крестообразной гардой и дужкой для защиты пальцев, как у сабли. В его технике преобладали рубящие удары, но и колющими не пренебрегал. Сталь меча очень качественная, симбарская, с характерным мелким рисунком по лезвию, аналог нашей дамасской. Он был выкован в княжестве Симбария — своеобразной мекке оружейников. Там хранят секреты выплавки и ковки особой зачарованной стали, очень прочной, твердой и гибкой. Стоит такой меч, кстати, от сотни золотых, и это без украшения, чего на роновском мече и не было. Он мог пробить даже магическую защиту первого уровня, а со вставленным в эфес накопителем с плетением и больше. В зависимости от уровня защиты и пробивающего заклинания. Сейчас никакого накопителя у Рона не было.

— Ну кто так двигается? Пьяная каракатица и та ловчее будет. Обтекай мой выпад, а не отскакивай в сторону. Делаешь лишние движения, а это потеря темпа и сбой координации. Не думай, доверяй телу, оно все сделает само. У тебя хорошо получается на разминке и в бое с тенью, ты быстро выучил все движения, шаги, перестроения и связки, а в спарринге ведешь себя как деревенский увалень! Что у тебя в голове творится? Ладно, перерыв.

Я тут же рухнул на траву. Несмотря на всю свою выносливость, я выматывался. А Рон, вернее, хм, Гром с не измененным магически, ну, может, самую малость, телом — хоть бы что! И возраст не сравнить. Синяки и ссадины привычно болели и привычно же сходили практически прямо на глазах.

— Пойми, у меня еще не было более способного ученика, — продолжал Рон, пристроившись рядом. — За шесть дней добиться того, что добился ты, — невозможно. Ты просто создан для боя! Вернее, твое тело, но голова… эх, — и привычно уже махнул рукой, — думай, что тебе мешает. Я сегодня тебя уже не знаю, сколько раз убил. Посмотри на себя — весь синий! По голове, наверное, надо чаще стучать, может, что там щелкнет, встанет на место.

Я, конечно, и сам все это понимал и думал, искал причины. Действительно, я с первого раза запоминал все и легко повторял один в один. При бое с тенью все шло само собой, но в схватке ужасно тупил! Тело становилось чужим, приемы и связки забывались, да что говорить… надеюсь, это просто отсутствие опыта. Наверное, в мозгу не уложилось еще все по полочкам до уровня рефлексов. Слишком высокий темп обучения. Да и с психологией надо что-то делать: подсознательно сдерживаюсь и обдумываю каждый шаг.

А как все не похоже на кино! Там красиво: звон стали, схватки долгие, размашистые, а тут больше похоже на спортивное фехтование: выпад — покойник. Или выпад, защита, атака — покойник. Меча даже не видно, а покойник, естественно, я. Сегодня, правда, пару раз уда-

валось парировать атаки и контратаковать. Без толку, конечно, но прогресс идет. И еще одна проблема: не могу ускоряться по собственному желанию, а надо. Там техника меняется, так Рон объяснил, и надо привыкать. Чего только не пробовал! И злиться пытался и бояться, и в транс входил, а тогда, наоборот, замедлялся и уже всерьез на себя злился за тупость, а без стресса не получается, и все тут! Мой единственный учитель посоветовал на «полумедитации», но пока не выходит.

Суть в том, чтобы в состоянии полутранса, то есть до «проваливания» во внутренний мир, почувствовать в себе течение жизни и попросить — потребовать — его ускориться. У Рона это получалось, хотя в таком состоянии он двигался все равно медленней меня, когда я ускорялся в момент опасности. Пока у меня не выходило добиться этого пресловутого полутранса.

Вот и сейчас, отдохнув, пытался не «провалиться» и услышал:

— Вставай, лежебока, атакуй.

Нехотя встал в стойку и, все еще осмысливая эту «полумедитацию», чисто автоматически напал. Рон чуть отклонился и сделал выпад в ответ, я тоже на автомате ушел и контратаковал. И почувствовал, что меч уперся в грудь противника.

— Отлично! — резко разорвав дистанцию, похвалил Рон. — К бою!

А я уже упустил момент и снова начал тупить.

Через час, снова избитый, сел на коня. Я еще два раза сумел достать учителя, когда пытался отвлечься от боя в расслаблении полутранса. Нет, самого состояния не достигал, но, когда отвлекался именно на эту тему, включался автоматизм, как в бое с тенью.

— Вот так и продолжай, тренируйся всегда, когда будет свободное время.

— Когда же оно будет? Сейчас обед, потом магия, потом опять тренировки.

Но внутренне я почувствовал азарт! Ворчал так, для вида. И Рон это прекрасно понимал.

— Поворчи мне еще. Станешь вечным дежурным по кухне.

В магии дела обстояли не многим лучше. По моим меркам, а учитель, наоборот, хвалил. Вот изложение его, по существу любительских, лекций по основам магии.

Магическая энергия, или мана, пронизывает весь мир. Откуда она взялась, из чего состоит, никто не знает. По наиболее популярным теориям это либо колебания мирового эфира, который скапливается в местах силы, либо, наоборот, возникает в местах силы и разливается по эфиру. Факт в том, что на планете множество мест силы, где есть повышенная концентрация маны. Их мощность разнится, на наиболее мощных в современности стоят башни магов, академии, накопители и т. д. либо руины древних. По-видимому, они тоже строили поглотители. Мощность места силы определяется количеством маны и скоростью ее возобновления, то есть нельзя бесконечно и неограниченно «черпать» энергию, Рон чаще пользуется термином «сила».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.